

ТЕПЛЫЙ, ЗАБАВНЫЙ, ПОЛНЫЙ ЛЮБВИ
И ОЧЕНЬ ОРИГИНАЛЬНЫЙ РОМАН. — ЭНН ПАТЧЕТТ

ДЖЕСС УОЛТЕР

ВСЕ

СЛИШКОМ

18+

ДАТЕКО

ЗАШЛО

РОМАН

Джесс Уолтер

Всё слишком далеко зашло

«Фантом Пресс»

2025

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

Уолтер Д.

Всё слишком далеко зашло / Д. Уолтер — «Фантом Пресс», 2025

ISBN 978-5-907943-18-6

В День благодарения в 2016 году, через несколько недель после выборов, у журналиста Риса Кинника кончается терпение. В пылу спора о политике он ударяет нового мужа дочери – религиозного фанатика и сторонника теорий заговора, после чего, в ужасе от своего поступка, а также от происходящего мире и состояния собственной психики, выбрасывает смартфон в окно машины и скрывается в хижине в глухих лесах на северо-западе страны. Семь лет спустя он едва узнает внуков, которые внезапно появляются у него на пороге. Их мать пропала, а оставаться с отцом, связавшимся с группой радикально настроенных христианских националистов, – опасно. Ну и что, что в лачуге Риса нет электричества и нормального водопровода, а на его припасы регулярно посягают еноты? Он готов на все, чтобы помочь своей семье. Когда вооруженные ополченцы похищают детей, герой понимает: ему все же придется вернуться в слетевший с катушек мир. Заручившись помощью отставного копа с биполярным расстройством и бывшей возлюбленной Люси, Рис отправляется в безумное путешествие по руинам жизни, от которой некогда сбежал. В книге присутствует нецензурная брань!

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-907943-18-6

© Уолтер Д., 2025
© Фантом Пресс, 2025

Содержание

Что случилось с Кинником	7
Что случилось с Люси	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Уолтер Джесс

Всё слишком далеко зашло

So Far Gone by Jess Walter
Copyright © 2025 by Big Text, Inc.

© Полина Мормышева, перевод, 2026
© Андрей Бондаренко, оформление, макет, 2026
© «Фантом Пресс», издание, 2026

* * *

*Посвящается моей семье
Пока мы не потеряемся... пока мы не потеряем мир, – мы не
находим себя¹.
Генри Дэвид Торо*

¹ Эта и последующие цитаты из «Уолден, или Жизнь в лесу» Генри Д. Торо даны в переводе Зинаиды Александровой. –
Здесь и далее примеч. перев.

Что случилось с Кинником

На крыльце дома Риса Кинника неподвижно, словно каменный истуканчик, стояла аккуратная девочка. Рядом с ней переминался с ноги на ногу вихрастый мальчик в зимних сапогах. За плечами у обоих рюкзаки. Позади, на ступеньках, женщина держала над головой зонтик, по которому барабанил дождь.

Постучала девочка. Кинник приоткрыл внутреннюю дверь и прохрипел из-за грязной сетки:

– Журналы или сладости?

Девочка, которой на вид было лет десять, прищурилась:

– Что-что?

Неужели оговорился? Сколько он уже ни с кем не разговаривал?

– Я спросил, что вы, юные капиталисты, продаете? Журналы или сладости?

– Ничего мы не продаем, – сказал мальчик. Кинник дал бы ему лет шесть. – Мы твои внуки.

Сдавленный вздох. Так бы описал Кинник то, что вдруг вырвалось из его горла – в те дни, когда зарабатывал на жизнь журналистикой. Ну *разумеется*, они его внуки. Он просто не успел как следует их рассмотреть. И эта странная дама на ступеньках его смутила. Но теперь, приглядевшись, он заметил в лицах детей знакомые черты: выступающую вперед верхнюю губу, глубоко посаженные пытливые глаза. Да, это определенно Лия и Ашер. Бог ты мой! Когда же он видел их в последний раз? Кинник напряг память, но безуспешно – с годами он все сильнее запутывался в сложном устройстве времени. Однажды его дочь привозила их сюда. Когда это было... три года назад? Четыре?

Как бы то ни было, на его крыльце сейчас стояли *не* скауты, продающие печенье. Это были его *внуки*, плоть от плоти его единственной дочери Бетани. Вот только им было не десять и шесть, как он предположил изначально, а больше. Он вспомнит насколько, когда время все же ему поддастся.

– Вы мистер Кинник? – заговорила женщина с зонтиком.

– Да, – сказал он. – Это я. – И снова обратился к детям: – Как вы здесь... Все в порядке...

Мыслей было так много, что Кинник не успевал оформить их в слова. Он открыл дверь шире.

– Где ваша мама?

– Мы не знаем точно, – сказала Лия. – Она уехала пару дней назад. Сказала, что это всего на неделю. Шейн вчера поехал ее искать.

Лии *тринадцать*, вот сколько. Ее отец – Тормоз Даг, с которым Бетани встречалась лет сто назад.

Отцом мальчишки, восьми... *девятилетнего* Ашера, был Шизик Шейн. Вкус дочери в отношении мужчин был за гранью понимания Кинника, в точности как и время.

Кинник взгляделся в женщину, маячившую за спинами внуков. Чернокожая, в больших круглых очках, лет тридцати с небольшим – примерно ровесница его дочери. Женщина поднялась на крыльцо.

– Меня зовут Анна Гейнс, – представилась она. – Мы с мужем – соседи Бетани и Шейна. Сегодня утром Лия принесла мне это.

Она протянула конверт. На нем маркером было выведено: «ДЛЯ АННЫ». И чуть ниже: «Открыть в случае ЧП». Кинник узнал почерк дочери.

– Письмо было в шкафу, – сказала Лия. – Спрятано в зимнем сапоге.

Кинник открыл сетчатую дверь, вышел и взял конверт. Внутри оказался листок бумаги, исписанный с обеих сторон рукой Бетани – ряды аккуратных буковок клонились влево. Он

похлопал себя по карману рубашки, но очков для чтения там не было. Кинник прищурился, разбирая написанное.

Дорогая Анна, если вы читаете это, значит, мне срочно пришлось уехать. Понимаю, что прошу о многом, но не могли бы вы отвезти детей к моему отцу – Рису Киннику? Он затворник...

Кинник поднял взгляд:

– Чушь, никакой я не затворник.

Затем снова уткнулся в письмо.

Дорогая Анна, если вы читаете это, значит, мне срочно пришлось уехать. Понимаю, что прошу о многом, но не могли бы вы отвезти детей к моему отцу – Рису Киннику? Он затворник и давно оборвал все связи с семьей...

– Оборвал связи? – Рис почувствовал, как в нем закипает кровь. – Все было... чуть сложнее.

Однако его внукам – юным представителям современного общества, – кажется, было искренне все равно, как дела обстояли в реальности. Они просто тарасились на него. Кинник хмыкнул и вернулся к чтению.

Дорогая Анна, если вы читаете это, значит, мне срочно пришлось уехать. Понимаю, что прошу о многом, но не могли бы вы отвезти детей к моему отцу – Рису Киннику? Он затворник и давно оборвал все связи с семьей. Сейчас он живет в запустении...

– В запустении? Так она считает? – Кинник оглядел широкое крыльцо. Из одного угла на него смотрели сломанный холодильник, сваленные в кучу старые аккумуляторы и сгоревший инверторный генератор, из другого – старушка-стиралка и джинсы со свитером, которые сушились на веревке. – Она что, издевается? *В случае ЧП найдите моего отца и напомните ему, что он неудачник?*

Внуки по-прежнему тарасились на него. Кинник тяжело вздохнул и продолжил читать, велел себе больше не отвлекаться.

Дорогая Анна, если вы читаете это, значит, мне срочно пришлось уехать. Понимаю, что прошу о многом, но не могли бы вы отвезти детей к моему отцу – Рису Киннику? Он затворник и давно оборвал все связи с семьей. Сейчас он живет в запустении в хижине на севере от Спокана, в округе Стивенс. Телефона и электронной почты у него нет. Выезжайте из Спокана и следуйте по шоссе 395 тридцать пять миль. За озером Лун сверните на шоссе 292. Через пять миль, на развилке, поверните не налево – в сторону индейской резервации, – а направо. Проехав городок Спрингдейл, сверните налево на Хантерс-роуд. Через десять миль снова сверните налево на грунтовую дорогу, пересекающую небольшой мост. Потом еще четверть мили, пока не заметите водопропускную трубу и съезд в березовую рощицу по левой стороне. Это дорога к папиному дому. Указателей там нет. Следуйте по ней и, когда дорога пойдет в горку, увидите серый дом из шлакоблоков у подножия холма над ручьем. Предупреждаю: мой отец бывает довольно язвительным...

– «Довольно язвительным»? – Кинник сложил письмо. – Серьезно, да кто же так просит о помощи?

И все-таки он с гордостью отметил, как хорошо Бетани владеет словом. Да и слова-то какие – *затворник, запустение, язвительный*. Не растеряла, значит, умение. Когда-то он пола-

гал, что дочь пойдет по его стопам и станет писательницей. Терпения не хватило, думал он. А может, уверенности.

И тут его осенило. Он перевел взгляд на девочку:

– А где ваша бабушка?

Едва он договорил, как Лия отчеканила:

– Бабушка Селия умерла.

Ашер кивнул.

– Господи, – сказал Кинник. – Когда?

– Месяц назад, – ответила Лия.

– О, Селия.

Она всегда излучала какую-то хрупкую эфемерность, как будто не принадлежала этому миру. Кинник привалился к дверному косяку, в боку закололо. Бегство Бетани уже не выглядело таким уж неожиданным. Мать была для нее чем-то вроде компаса, ведущего ее по жизни.

– У бабушки была лимфома, – сказал Ашер.

Как странно, когда такое взрослое слово произносит такая кроха. Кинник вспомнил маленькую Бетани, не по годам серьезную.

– О, Селия, – повторил он, и в глазах его заблестели слезы.

Он представил ее такой, какой она была в день их первой встречи в библиотеке Орегонского университета сорок лет назад. Ее длинные волосы, раскачивающиеся из стороны в сторону, точно хвост у гарцующей лошади. Он тогда изучал ботанику и естественные науки, а она училась на медсестру. Он вспомнил, как она спала, отвернувшись от него, вспомнил острую линию ее скул. Никогда больше он не видел, чтобы кто-то так спал – так безмятежно. Порой он подносил ладонь к ее губам, просто чтобы убедиться, что она дышит и все еще с ним. Они поженились через год после знакомства, оба закончили магистратуру, затем появилась на свет Бетани. Они шли по жизни рука об руку – пока эта жизнь, как все самое ценное и важное в этом мире, не начала разваливаться.

– Уверен, она была замечательной бабушкой, – сказал Кинник.

– Да, – сказала Лия, и ее брат снова кивнул.

О, бедная Селия, подумал Кинник. И бедная Бетани. Но перед глазами его встала не та взрослая женщина, которую искали его внуки, а большеглазая малышка, не желавшая засыпать, пока он не расскажет ей сказку. И вот теперь эта малышка, эта женщина, мать его внуков сама осталась без матери. Бедная Бетани. И ее бедные дети, чей дедушка, которого они годами не видели, даже не узнал их, когда они появились у него на пороге.

Риса Кинника придавило тяжким, ранее незнакомым чувством – виной. В голове звучал лишь один, заглушающий прочие мысли вопрос: *что же он наделал?*

Он прокашлялся.

– Входите, – сказал он и широко открыл дверь. – Прошу, входите.

* * *

Последней каплей для него стал День благодарения семью с половиной годами ранее. В 2016 году в Грантс-Пассе, штат Орегон, за сорок минут до праздничного ужина Рис Кинник понял, что для него не осталось места в этом нелепом мире. Это случилось во время трансляции футбольного матча. Его зять Шейн тыкал кнопки на пульте и трендел не умолкая – и то, и то одинаково бездумно. Новый (но старый) муж Селии, Кортланд, похрапывал в кресле. Рис сидел между улылыми мужьями дочери и бывшей жены и с безрадостным видом приканчивал четвертую бутылку пива. Киллер из него получался так себе, но и жертве, благо, оставалось недолго.

Дорога из Спокана до Грантс-Пасса занимала десять часов, и Кинник решился на этот подвиг ради очередной попытки спокойно отметить праздник в семейном кругу.

– Никакой политики. – В голосе Бетани звучала мольба, и Кинник быстро согласился.

Он был вынужден признать, что его может вывести из себя разговор с Шейном о результатах недавних выборов (то есть абсолютной катастрофе), поскольку, выражаясь словами зятя, у него все еще «бомбит».

– Шейна я тоже предупредила, – сказала Бетани. – Никакой религии и политики. Давайте хоть раз притворимся нормальной семьей.

Нормальной? Семей? Да легко. Первые два часа все и правда было хорошо. Лия рисовала, Ашер, только научившийся ходить, бегал по дому, взрослые вели светские беседы.

А потом Ашера уложили спать, Лия отправилась играть в куклы, Селия и Бетани перебрались на кухню готовить ужин, и Шейн тут же завел свою чокнутую христианско-националистскую шарманку:

– Рис, если это тебя утешит, еще в Книге пророка Даниила было предсказано...

Риса это почему-то не утешило.

– ... что на Западе восстанет могущественный царь и вернет своей нации былое величие. – Шейн разломил скорлупу и кинул в рот фисташку.

– Это было две тысячи лет назад, – промычал в свое пиво Кинник. И про себя добавил: *спойлер, но твой пророк и тогда не угадал.*

– Библейская мудрость актуальна всегда, во все времена, – продолжил Шейн. – Откровение Иоанна Богослова, 22:10: «Не запечатывай слов пророчества книги сей, ибо время близко».

Рис пообещал Бетани и Селии не устраивать скандал, поэтому ответил мысленно: *Шейн, умник ты безмозглый, «время близко» – это про текущее время, а для давно почившего автора этого аллегорического бреда это был девяносто пятый год нашей эры. И в виду он имел тиранню римского императора Домициана, а не иммиграцию, глубинное государство или еще какую хрень, которой забита твоя башка.*

Кортланд, который был старше Селии на пятнадцать лет и политикой интересовался не больше тухлявого пня, что-то пробормотал во сне. Рис окинул взглядом аккуратную гостиную Шейна и Бетани. Стены ее украшали вышивки с библейскими цитатами (*Благослови, душа моя, Господа*) и плакаты с Иисусом на закате в рамках (*Хвалите Его, небеса небес и воды, которые превьшие небес*).

Он снова посмотрел на Шейна – самодовольного, с пышными усами, жующего фисташки. На мгновение воцарилась блаженная тишина, и Кинник подумал, что худшее уже позади. Но тут игрока «Грин-Бей Пэкерс» оштрафовали за помеху при передаче паса, и Шейн, откинувшись на спинку кресла, доверительно сообщил Киннику:

– Знаешь, в этом тоже они замешаны.

Таинственные *они*, как уже было известно Рису, стояли за тщательно продуманным и всеобъемлющим заговором, задачей которого было приобщить американцев к сатанинской либеральной ортодоксии. Конечной же целью злодеев было втянуть добрых христиан вроде Шейна в безнравственный социалистический кошмар, в котором люди – о ужас – гадили не в те туалеты.

Кинник умолял себя молчать. Не задавать вопросов. Если не провоцировать Шейна, ему самому надоеет говорить в пустоту. Рис сверился с часами. До спасительной индейки оставалось тридцать пять минут. Он справится. Что сложного в том, чтобы помолчать тридцать пять...

– Кто? – услышал он свой голос. – Судьи? Ты думаешь, за всем стоят судьи?

Шейн повернул голову:

– Судьи? Да брось, Рис. Они же просто пешки. Просто подумай: *кто* платит судьям?

– Ага, то есть... – Рис старался говорить непринужденно, пряча лицо за пивной бутылкой, – ты хочешь сказать, что Национальная футбольная лига вовлечена в масштабный заговор... придуманный с целью отобрать лавры у любимых команд Шейна Коллинза?

– При чем тут я? – возразил Шейн. – Всем известно, что политику и футбол взяли под контроль одновременно – в 2008 году. Именно тогда глобалисты начали реализовывать последнюю часть своего плана, они уже захватили школы, университеты, все уровни власти и собирались посадить в президентское кресло одного иностранца – не буду говорить кого, но второе его имя Хуссейн. И вот последний рывок. Они подминают под себя спорт. Напомни-ка, кто выиграл Супербоул в том году?

– Без понятия, – сказал Кинник.

– Ну, две тысячи восьмой? «Нью-Йорк Джайентс» побеждают «Нью-Ингленд Пэтриотс». Просто задумайся на секунду, Рис. «Пэтриотс» – то есть *«патриоты»*, истинные американцы, понимаешь? Проигрывают «Джайентс» – *«гигантам»*, да еще и из Нью-Йорка? Гигантам, то есть из моря зверям с семью головами и десятью рогами? Думаешь, просто совпадение, что в Нью-Йорке семь районов и десять медиакомпаний, а? Да ладно, Рис, ты же умный человек.

– В Нью-Йорке пять районов, Шейн. И тысячи медиакомпаний.

– Значит, там было про семь миллионов жителей. Всегда путаю эти цифры.

– В Нью-Йорке восемь миллионов жителей, но я сильно сомневаюсь, что во времена этого Иоанна там вообще были люди.

– Я же уже объяснял, что Библия не так работает, Рис. Это вневременной документ.

– Это глупость, Шейн.

– Не хочешь – не верь. – Шейн начал багроветь. – Но я читал в интернете одну статью, и там все отлично объяснялось.

Шейн вечно находил статьи, где все отлично объяснялось. А может, статьи сами находили его и все объясняли.

– Постой, – начал Кинник в надежде, что логику-то Шейн отрицать не сможет, – а разве не «Пэтриотс» выиграла Супербоул в *прошлом* году?

Это почему-то еще больше взволновало Шейна, и он наклонился к Киннику, будто доверяя ему тайну:

– Вот именно! Это было просто *потрясающе*, это был знак грядущего триумфа, призывной набат для всех патриотов – вставайте, грядет финальная битва! Ты же понимаешь, «Пэтриотс» *не должны были* победить. Глобалисты хотели, чтобы чемпионами снова стали «Сиэтл Сихокс». Но Брэди² с командой этого не допустили. Они нарушили *их* сценарий, сечешь? Смешали *им* карты. Сказали: «Мы лучше умрем, чем сдадимся новому мировому порядку». Вот почему НФЛ затеяла этот скандал с якобы сдутыми мячами³. Это было предупреждение для «Пэтриотс».

Шарманка, которую заводил Шейн, не знала устали. Он мог продолжать в том же духе часами, одна за одной вплетая ниточки в завесу своего конспирологического идиотизма. Вот и сейчас он увлеченно объяснял, как в начале каждого сезона представители НФЛ и владельцы команд встречаются с телевизионщиками, которые раздают им готовые сценарии всех игр. Но во время Супербоула в 2015 году храбрые Брэди, Беличик⁴ и «Пэтриотс» отказались идти на поводу у глобалистов-сатанистов-либералов-работоторговцев и нанесли удар за исконную Америку! За Новую Англию! За патриотов! За тринадцать первых колоний!

² Том Брэди – квотербек команды «Нью-Ингленд Пэтриотс».

³ Имеется в виду громкий спортивный скандал, освещенный в прессе как «Дефлейтгейт». Во время чемпионата АФК в 2015 году команда «Нью-Ингленд Пэтриотс» была обвинена в махинациях с весом мячей. Наложённые на команду санкции, однако, не помешали ей позже выиграть Супербоул.

⁴ Билл Беличик – тренер команды «Нью-Ингленд Пэтриотс».

Киннику не раз приходилось выслушивать подобный конспирологический бред, когда он работал в газете. Однажды он брал интервью у лесоруба, уверенного, что спецслужбы тайно установили в лесу фальшивые деревья с камерами для слежки. Рис называл это «сказки из Белибердландии».

– Победа «Пэтриотс» – знак свыше для всех патриотов, – сказал Шейн. – Мы ждали, когда царь восстанет, и вот его время пришло. Можно сказать, эти выборы – наш Вэлли-Фордж⁵.

– Не хочу тебя расстраивать, Шейн, но ребята в Вэлли-Фордж с монархией вообще-то боролись.

– Я просто к тому, что призыв прозвучал, – ни капли не смутился Шейн, – и истинные патриоты на него откликнулись. Грядет наш час торжества.

– Уже грядет? Черт, а у меня планы были. – Рис притворился, что сверяется с часами. – Может, перенесем минут на тридцать? Или не успеем на пришествие?

Рис глянул на мужа Селии, учителя математики на пенсии, – *я же не один все это слышу?* Но Кортланд храпел как ни в чем не бывало.

На пару минут повисла тишина. Шейн надулся, обиженный шуткой, и Кинник честно попытался оставить его в покое. Так он и скажет Бетани: *Ты же знаешь, я пытался.*

Ты его провоцировал, – ответит Бетани.

Я хотел вернуть разговор в прежнее русло! – будет оправдываться Кинник.

– Так что, прямо все матчи по сценарию? – поинтересовался он у Шейна. – Или только финальная игра?

– Нет, ну какая-то доля импровизации допускается, но да – победитель известен еще до начала сезона. С две тысячи восьмого они все решают. – Шейн перегнулся через подлокотник кресла: – Да ты просто подумай, Рис. Тут миллионы долларов на кону. С чего бы им пускать все на самотек?

– Еще бы, – сказал Кинник. – Итак, владельцы команд собираются в кружок перед началом сезона и договариваются, у кого будет травма колена, кто попросится с тренером и кто выиграт Супербоул?

– Владельцы? – Шейн усмехнулся. – По-твоему, владельцы что-то решают? Да они козлы отпущения, Рис! Очнись ты наконец! Здесь такие деньги крутятся.

Окончив университет, Кинник тридцать лет проработал журналистом-экологом – сначала в газете в Орегоне, потом в портлендском журнале, который в итоге разорился, и, наконец, в Спокане, пока в 2015 году газета не начала терпеть убытки и ему не «предложили» уволиться по собственному. А теперь – какое жалкое зрелище – бывший наркоман, который зарабатывает укладкой коврового покрытия, рассказывает *ему* что-то про *деньги!*

– Вот... – Шейн потряс пультом от телевизора, – вот куда идут все деньги.

– В пультики? – Кинник подался вперед. – Ну и какой же магазин электроники за этим стоит? Расскажи мне.

– Да подумай же, Рис! – Шейн постучал пультом по голове. – Я имею в виду... медиа.

Медиа наравне с *элитой, либералами и социалистами* обязательно фигурировали во всех теориях заговора Шейна Коллинза.

– И уж не буду в сотый раз объяснять тебе, кто контролирует медиа, – добавил Шейн.

– И правда не надо.

– Конечно же, е...

– Не начинай. – Рис указал на Шейна бутылкой. Он не терял надежды, что беда все же пройдет стороной и они смогут спокойно дождаться ужина.

⁵ Вэлли-Фордж – лагерь Континентальной армии США под командованием Джорджа Вашингтона в Пенсильвании, где зимой 1777/78 гг. войска находились на зимней стоянке во время Войны за независимость; в американской культуре считается символом стойкости и жертвенности ради свободы.

Но тут Шейн сказал:

– Извини, но не зря же Нью-Йорк называют *еврейской* столицей.

– Не стоило тебе этого говорить, Шейн.

– Да брось, я же *за* Израиль! Никто не любит евреев так, как я. Я про истинных евреев, конечно. Таких, как Иисус.

Справедливости ради, – будет думать потом Рис – он терпел этот бред целых четыре года, с тех самых пор, как Шейн завязал с веществами и подсел на Иисуса и ток-шоу по радио. Четыре года «истинных евреев» и «истинных патриотов», «геноцида белых» и «троллинга либерастов», «низкопробной пропаганды» и «всеобъемлющего заговора» против «истинных американцев», под которыми Шейн, разумеется, подразумевал себе подобных.

Эти отравленные воды годами просачивались в реки и скважины, пока в конце концов не попали в водопровод – краны и умы обычных американцев – и не подчинили себе достаточно Шейнов, чтобы убедить говорящие головы на экранах и болтунов в «Твиттере», что все эти нелепые заговоры – важная часть политического процесса и что из-за них белый рабочий класс почему-то оказался на задворках экономики.

Да и пусть так. Шейн мог верить во что угодно.

Сердце Рису разбил не он, а Бетани. Умница Бетани, которая просто обязана была забить тревогу, не притворяйся она – может, ради брака, может, ради детей, – что ничего такого не происходит. Бетани, которая исповедовала тихую, сдержанную веру, но, чтобы сберечь мир в семье, потакала Шейну и его полноприводному, звездно-полосатому, ультрахристианскому патриотизму, молча смотрела, как он гоняется за голубоглазой утопией с тем же рвением, с каким когда-то охотился на мет, все больше углубляясь в параноидальные дебри американского фундаментализма.

Но как далеко он пойдет? Как далеко пойдет страна? Кинником овладело знакомое чувство безысходности, осознание, что именно в тот момент, когда хуже, казалось бы, стать уже не могло, все не только становилось хуже, но и в тысячу раз безумнее. Временами, читая новости, он чувствовал себя пассажиром несущегося к земле самолета, за штурвалом которого сидел психбольной.

И от того, что дочь ничего не замечала, что винила во всем отца и его непримиримость – *Никакой религии и политики!* – Кинник вдруг ощутил себя таким потерянным, таким одиноким, таким... опустошенным.

Именно при мысли о Бетани, о том, как близки они были раньше, с губ Кинника сорвались эти злополучные слова:

– Спасибо дочке за зятя-идиота.

Шейн выпрямился в кресле:

– Что ты сейчас сказал?

– Ничего. Мысли вслух.

– Как ты меня...

– Извини.

– То есть ты приходишь в мой дом, чтобы меня оскорблять?

– Мне не следовало этого говорить. – Кинник встал. – Пойду-ка проветрюсь.

Он направился к двери, но Шейн вскочил и преградил тестю путь.

– Что тебя так разозлило, Рис, а? То, что мне открывается истина?

– Истина не совсем то слово, Шейн. А теперь отойди, мне на самом деле нужно выйти.

Шейн схватил Кинника за предплечье и понизил голос:

– Присядь-ка, Рис.

– Убери руку, Шейн.

– Присядь, пожалуйста. – Хватка усилилась. – Бетани будет злиться на нас обоих.

Рис рывком выдернул руку:

– Уйди с дороги, Шейн!

На крики из кухни вышла Бетани:

– Пап, что тут такое?

– Ничего. – Рис выпрямился. – Просто хочу подышать воздухом.

– Твой отец назвал меня идиотом!

– Папа! – воскликнула Бетани.

Рис развел руками:

– Я не выдержал, Бетти! Это как с деревом разговаривать!

– Ну я же вас просила, – сказала Бетани. – Никакой политики.

– Я и слова о ней не сказал! – запротестовал Шейн. – С твоим отцом даже футбол обсудить нельзя, чтобы он пеной не изошелся!

В комнату вошла Селия с кулинарным шприцем в руках. Ее длинные седые волосы были заколоты в пучок на затылке.

– Что ты опять натворил, Рис?

Бывшая жена с дочерью стояли на пороге гостиной и испепеляли Кинника взглядом, Шейн заслонял собой выход, и Рис, ища глазами путь к отступлению и тяжело дыша, прочел на вышивке рядом с дверью: *Сей дом сотворил Господь*.

– Пора ужинать? – Кортланд сонно потянулся в кресле.

Кинник отчетливо ощутил, как у него сдавило грудь, как участился пульс. Он был окружен, задышался, ему надо было сбежать сию же секунду, иначе...

– Правда, мне просто нужно проветриться. Дайте мне пять минут и...

Бетани скрестила руки на груди:

– Если ты сейчас уйдешь, папа...

– Я вернусь. Мне просто... – Рис попытался проскользнуть мимо зятя, но Шейн снова схватил его за плечо, наклонился к уху и прошипел:

– Не будь ты такой снежинкой, Рис.

За последние тридцать лет Кинник ни разу не поднял руку на человека.

И вдруг в следующий миг, который он будет прокручивать в памяти снова и снова, это произошло.

Удар. И облегчение – но только на долю секунды.

* * *

Лия стояла в дверном проеме и разглядывала крошечное лесное жилище своего дедушки. В старой чугунной печке посреди комнаты потрескивали дрова. На конфорке пытел помятый оловянный кофейник. Мама рассказывала, что единственным источником электричества в доме были автомобильные и лодочные аккумуляторы, которые дедушка заряжал с помощью солнечных батарей и баллонов с пропаном. Лия представляла себе дом будущего, опрятный и минималистичный. Но он оказался грязным и будто недостроенным. Обветшалым. У дедушки не было ни телевизора, ни компьютера. У него даже телефона не было. Вот что значило *жить отшельником*. Зато здесь была ванная комната, в рукомойник и душ с ручной лейкой вода поступала из бачка, подключенного к электрическому насосу, который питался от одного из аккумуляторов, валявшихся тут же. А вот если хотелось в туалет, приходилось выходить в нужник, на улицу. Прямо как в стародавние времена. Как в Библии. По всей комнате были расставлены свечи и фонари на батарейках. К портативному генератору был подключен небольшой холодильник. Ни одной картины или фотографии на стенах из шлакоблока не висело, зато дом, казалось, ломился от слов: книжные полки занимали все стены и перегораживали два окна. Стопки книг лежали в два-три ряда по соседству с кипами журналов и тетрадей. Книгами были

заняты все поверхности, в том числе большая часть пола. Лия обожала читать, но это... это выглядело как болезнь, как нашествие слов.

– И они все твои? – спросила Лия, взяв в руки книгу в твердом переплете.

На обложке она прочла: «Витрувий. Десять книг об архитектуре».

– Мои. – Кинник растерянно поскреб голову, будто от одной этой мысли ему стало неловко. – Ну, то есть, в той мере, в какой они вообще могут быть чьими-то. Я беру их в библиотеках и покупаю на барахолках, но по сути *мне* они не принадлежат. Они просто через меня проходят.

Он опустил глаза. Усмехнулся себе под нос.

– Прости, я говорю непонятно. Я давно не... В мыслях, – повернувшись к миссис Гейнс, прокашлялся, – разлад. Может, кофе, миссис?..

– Гейнс, – сказала она. – Спасибо, не стоит.

Она тоже оглядывалась по сторонам – на древний кофейник, на книги, на ржавую аккумуляторную батарею на полу рядом со старой стереосистемой, на которой, конечно, тоже лежали книги. Миссис Гейнс прижимала руки к груди, словно боялась случайно до чего-то дотронуться.

И запах – к нему Лия не была готова. В доме пахло дымом, книжной затхлостью и, должно быть, самым дедушкой Рисом – странной смесью пота, грязи, кофе и старости.

Кинник, переводя взгляд с Лии на Ашера, пробормотал:

– Кофе же вам не предлагать, да? Ну конечно, глупый вопрос. Хотите воды? У меня есть бутилированная. Или, может, сушеных ягод? Вяленой говядины?

Он начал освобождать из-под завалов кресла – больше ничего похожего на мебель, не считая письменного стола и стереосистемы, загроможденных всякого рода чтивом, в комнате не было.

– Прошу, – сказал Кинник, расчистив немного места в бумажном массиве, чтобы дети могли сесть. – Присаживайтесь, давайте.

Одна из стопок начала угрожающе крениться, и он поправил ее.

– Простите за... Я и подумать не мог, что... У меня тут...

Стопка все-таки рухнула в другую сторону, и Кинник беспомощно проследил за ее падением.

– ...Небольшой бедлам, – завершил он.

Лия не смогла сдержать улыбку. Ну и слова – *разлад, бедлам!* Таким она и представляла себе таинственного дедушку в то время, когда судить о нем могла лишь по фотографии на обложке его книги. Когда они жили в Орегоне, «От реки до равнины» Риса Кинника долгие годы стояла в их книжном шкафу рядом с другими писателями на букву «К», будто маме было все равно, что автор – ее отец. (Лия тоже мечтала однажды стать писательницей и сочинить целую серию книг о приключениях двух юных христиан, живущих во времена Второго пришествия. В какой-то момент герои обязательно должны были влюбиться друг в друга.)

– А о чем книга дедушки Риса? – как-то раз спросила у матери Лия, когда была еще маленькой. Бетани ответила, что это сборник эссе, и тогда Лия спросила, что такое эссе.

– Ну, – сказала мама, – это такие рассказы для тех, кому идеи важнее людей.

Лия вспомнила этот колкий ответ и сквозящее в нем осуждение, вспомнила день, когда они в последний раз приезжали навестить дедушку – почти четыре года назад, в начале пандемии. Дорога тогда показалась ей вечностью, а когда они наконец добрались, то даже не стали заходить в дом. Вместо этого они пошли гулять вдоль ручья, они с Ашером бросали камешки в воду, пока мама вполголоса разговаривала о чем-то с дедушкой Рисом. Что-то было не так – Лия сразу поняла. Через час они попрощались с дедушкой, сели в машину и поехали в Спокан к бабушке Селии. Мама за рулем с трудом сдерживала слезы. *Все слишком далеко зашло.* Так мама и сказала бабушке: *слишком далеко.* Словно она говорила про какие-то далекие земли...

Но этот морщинистый, заросший старик с неопрятной бородой был совсем не похож на высокого, подтянутого и степенного мужчину, которого она помнила с последней встречи. И он уж точно не походил на того писателя с волевым подбородком на фотографии двадцатилетней давности. Сейчас на дедушке была теплая фланелевая рубашка, под ней нечто похожее на фланелевую рубашку потоньше и то, что некогда было белой футболкой, а теперь приобрело грязный бежево-серый оттенок – цвет *апрельского снега*, как его назвала бы Лия. (На досуге она любила придумывать необычные названия для цветов. Шейн однажды сказал, что в компании по производству красок ей цены не будет.) Лицо Кинника было осунувшимся, в каштановых космах виднелись седые пряди (*картофельные оладьи с подливкой*), а лохматая борода была тускло-белой (*высокие зимние облака*). Борода спускалась по шее прямо до груди и ползла вверх по щекам почти до глаз. Глаза у дедушки были голубые, цвета *прискорбных известий*.

– Лия, скажи, а бабушка... – Голос Кинника дрогнул. – Она долго болела?

– Нет, не очень, – сказала Лия.

– А Кортланд, он был рядом?

– Дедушка Корт теперь живет в доме престарелых, – сказала Лия.

– Когда мы его навещаем, он думает, что мы – его братик с сестричкой, – добавил Ашер. –

И еще он играет в куклы. Это называется регрессией.

– Мне очень жаль, – сказал Кинник.

Лия кивнула.

– Мама хотела приехать к тебе, когда бабушка заболела, но та попросила ничего не рассказывать, пока не закончится курс лечения, а потом...

– А потом она умерла, – сказал Ашер.

– Все случилось очень быстро, – подтвердила Лия. – Мы переехали из Орегона, чтобы мама могла ухаживать за бабушкой, а уже через пару месяцев...

– Бабушка была против похорон, – произнес Ашер. – Ее кремировали. – Тут он подался вперед и с важным видом сообщил: – Кремация – это когда обращаешься в пепел.

Кинник еще не вполне осознал услышанное:

– Стойте, получается, вы были в Спокане... все это время?

– Мы тут уже пять месяцев, – сказала Лия. – Мама хочет вернуться в Грантс-Пасс, но Шейн против. Он уже давно говорил о переезде сюда. Думает, что здесь безопаснее. Тут ведь редут.

– Ре... что? – Кинник наклонил голову.

– Редут, – сказал Ашер. – Это убежище для христиан.

– Так называются укрепленные поселения в горах Вашингтона, Орегона, Айдахо и Монтаны, – любезно объяснила Лия. – Что-то навряд ли крепостей.

– Ага, и там Бастион, – сказал Ашер.

– Бастион?

Прежде чем они успели ответить, в разговор вмешалась Анна Гейнс:

– Мистер Кинник, я вынуждена спросить, вы в состоя... – она оглянулась по сторонам, – то есть вы могли бы присмотреть за детьми? Пока Бетани не вернется?

– Расскажите ему о турнире, – попросил Ашер. Он сидел в кресле и болтал ногами в огромных зимних сапогах.

На лице миссис Гейнс отразилось беспокойство.

– Да, у Ашера вечером шахматный турнир.

– Сегодня? – Рис провел рукой по волосам.

– Ага, в шесть, – сказал Ашер. – В Южном Орегоне я был пятым в рейтинге. А в Спокане это мой первый турнир. Меня туда мама записала.

– Он очень волнуется, что пропустит его, – сказала Анна.

– Я вундеркинд, – сказал Ашер.

Лия поймала взгляд бабушки и слегка покачала головой, как бы говоря: *не слушай его*. Ашер и в самом деле занимал пятое место среди всех восьмилеток в шахматном клубе Южного Орегона. Похвально, если не знать, что в клуб ходило всего семь восьмилеток.

– Папа и пастор Галлен сейчас молятся о божественном откровении, чтобы узнать, не нарушают ли шахматы закон Божий, – сказал Ашер. – Пастор Галлен говорит, что это грех, потому что шахматы придумали арабы, а папе не нравится, что доска – это символ иллюминатов, а фигуры – языческие идолы. Но мама разрешила мне играть, пока на папу с пастором Галленом не снизойдет истина.

– Истина... – Кинник прикрыл глаза. Редут, Бастион, иллюминаты, нарушающие Божий закон шахматы – требовалось время, чтобы все это переварить. Он глубоко вдохнул и медленно выдохнул через нос.

Наблюдая за бабушкой, Лия вспомнила, как его описывала мама: «эксцентричный», «далеко не такой гениальный и куда более нелюдимый, чем думает». Интересно, как давно он уже ни с кем не общался?

Наконец Кинник открыл глаза.

– Давайте начнем с начала, хорошо? Ваша бабушка заболела несколько месяцев назад, и вы с мамой переехали сюда из Орегона?

– Все верно, – сказала Лия.

– И теперь живете в Спокане?

– Да, но Шейн хочет, чтобы мы переехали в Айдахо, когда кончится срок аренды, – сказала Лия. – Мы уже два года ездим туда в христианский летний лагерь и на палаточные служения. Их организует Церковь Благодатного Огня.

– Папа состоит в их Армии Вечного Света, – добавил Ашер. – Они тренируются в Бастионе.

– Церковь Благодатного Огня? Бастион? Армия... – произнес вслух Рис, будто от этого слова должны были обрести какой-то смысл. Он посмотрел на Лию: – А у тебя... у тебя есть догадки, где может быть Бе... то есть мама?

– Шейн думает, что она могла вернуться в Грантс-Пасс, – неуверенно произнесла Лия. – У нее там много друзей. И у нас.

– Если папа ее не убил, – сказал Ашер.

Из комнаты будто выкачали весь воздух. Кинник оперся о стол, а Лия накинута на брата:

– Ты что такое говоришь!

Ашер пожал плечами, посмотрел на Риса, затем на Анну Гейнс и уставился в пол.

Анна погладила Ашера по спине.

– Я уверена, что никто никого не убивал, Ашер. – И обратилась к Киннику: – Честно говоря, поводы для беспокойства возникали и раньше. Бетани поделилась со мной кое-чем... ее очень подкосила мамина смерть. И эта новая церковь Шейна ее сильно беспокоит. – Чуть приблизившись, Анна добавила: – Мы с мужем не большие поклонники Шейна. Вы знаете, он...

– Тот еще расист?

– Нет. – Миссис Гейнс слегка улыбнулась. – Я хотела сказать «довольно категоричный».

– Мама с Шейном ругались из-за новой церкви. – Лия глубоко вдохнула и поджала губы. – Мама считает, что их вера слишком радикальная. А Шейн говорит, что она просто еще не обрела в своем сердце Господа.

– Расскажи остальное, милая, – сказала Анна Гейнс.

Лия закусил нижнюю губу.

– Хочешь, я сама? – спросила Анна.

Лия вздохнула. Так и быть. Раз надо, она расскажет.

– Шейн хочет, чтобы я обручилась.

Кинник склонил голову набок:

– Чтобы ты *что*?

– Обручилась. С сыном пастора, Дэвидом-младшим. Я понимаю, как это звучит, но мама раздувает из мухи слона, честно.

– Чтобы ты *обручилась*? – повторил Рис.

– Все совсем не так, как ты думаешь, – сказала Лия. В новой церкви было много странных правил, но почему все так зациклились именно на *этом*? – У них просто так принято, когда мальчик с девочкой нравятся друг другу, вот и все. Это вроде как повод для радости и все такое. А помолвка – это просто договоренность. Что, *возможно*, я выйду замуж за Дэвида. Ну... когда стану старше. Но это даже необязательно. Мы поженимся... ну... только если захотим... Когда я стану старше, конечно. – Она чувствовала, что ее лицо пылает.

– Когда станешь старше, – повторил Кинник. – Разумеется.

Лия снова вздохнула. Ее раздражало, что приходится все это объяснять. Даже они с Дэви не придавали этой помолвке особого значения. Почему тогда все остальные сходят с ума?

– По правилам нашей церкви молодые люди не должны скрывать свои чувства. Мы объявим о них во время службы, и, если церковный собор даст благословение, община будет за нас молиться. Потом, когда мне исполнится пятнадцать, мы сможем встречаться под присмотром взрослых, а еще через год, если все так же будем нравиться друг другу – поехать в Айдахо и пожениться. Если захотим. Ведь мы будем уже обручены. Вот и все.

В комнате воцарилась тишина.

– Но, наверное, мы подождем, чтобы мне исполнилось хотя бы... восемнадцать.

Все еще стояла тишина.

– И пока что я буду носить помолвочное кольцо, – сказала Лия. – А потом, если мы не поженемся, я просто его верну. Но когда это еще будет, правда?

Она натужно улыбнулась – *видите, я же говорила, что мама все преувеличивает.*

– В Айдахо разрешают жениться раньше, чем в Вашингтоне и Орегоне, – подсказал Ашер.

Лия сердито уставилась на брата, и Ашер опять пожал плечами.

Кинник встретился взглядом с Анной Гейнс, и они пару секунд молча смотрели друг на друга.

– Сколько лет этому Дэвиду? – наконец спросил он.

– Это не... – Лицо Лии стало пунцовым. – Ему девятнадцать, но...

Она прекрасно понимала, как все это звучит, но Дэви исполнилось девятнадцать *совсем недавно*, а ей уже *почти* четырнадцать, и...

– Он не... У нас даже ничего...

Лия закатила глаза. Конечно, она *не собирается* выходить замуж в *шестнадцать* – мама могла не переживать, – но что плохого в том, что Дэвид-младший – такой милый, умный и чуткий, с ярко-зелеными глазами *цвета павлиньих перышек*, тоже любящий читать – подарит ей кольцо? Они познакомились прошлым летом в христианском лагере – он услышал, как Лия рассказывает о книге, которую хочет написать, – а общаться начали этой зимой, когда он приехал домой на каникулы – Дэви учился на теолога на втором курсе колледжа Ковенант в Такоме. Тайком от мамы и Шейна они переписывались по электронной почте: обсуждали прочитанные книги, его учебу и ее будущий постапокалиптический роман. Они *нравились* друг другу. И ничего больше. Почему всем вокруг надо было сочинить всякие мерзости и раздуть из этого скандал? Иногда Лии казалось, будто мир – это старая футболка, из которой она выросла и которая начала жать ей в груди.

В старом доме было тихо, только слабо потрескивали в печи дрова. И вдруг Лия ни с того ни с сего набросилась на младшего брата:

– Шейн не убивал маму! Зачем ты это сказал? Нельзя говорить такие вещи! Это неправда!

Ашер посмотрел на дедушку и опять растерянно пожал плечами.

* * *

Ашер почувствовал облегчение, когда они проводили миссис Гейнс до машины и она уехала, подняв за собой облако пыли. Мистер и миссис Гейнс ему нравились, но они говорили о его папе так, словно он был каким-то психом с бензопилой, и Ашер от этого нервничал. А когда он нервничал, то не мог молчать и все время говорил глупости, например, что папа убил маму, – сам он совсем так не думал, но так думали *другие*, и временами, когда Ашер нервничал *особенно сильно*, чужие мысли сами лезли к нему в рот и ему хотелось произнести их, пока никто другой его не опередил.

Ашер знал, что окружающих расстраивают папины убеждения – например, что грядет священная война, ради которой им нужно переехать в горный редут, и что Бог велел ему быть хозяином жены своей и не жалеть розги на детей своих, и что земля плоская, и что шахматы придумали арабы или тайное общество, поклоняющееся Сатане. Но надо было просто не обращать внимания на эти его разговоры – так делали все в их семье, – и ничего плохого не случалось. А самому Шейну, кажется, было неважно, что близкие не разделяют его веру. Он не возражал, что Ашер читает книги про динозавров, и не сказал ни слова, когда тот написал в докладе, что вулканам миллионы лет, и на самом деле почти не следовал всем этим жутким советам. Он никогда не поднимал розги на детей. Некоторых ребят из их библейского кружка били часто, но папа даже ни разу не отшлепал Ашера. Разве только однажды, когда тот постоянно влезал в разговор, и то было совсем не больно – просто легкий шлепок, чтобы выглядеть солиднее в глазах других отцов в общине, когда он об этом расскажет.

Но Ашера волновало совсем другое. Его расстраивало произошедшее в прошлом году в Грантс-Пассе, когда папа узнал, что Лия ходит на уроки сексуального воспитания, и устроил в их школе переполох, ворвавшись в класс и начав молиться, – учительница восприняла его поведение как угрозу, и в итоге им с Лией пришлось перейти на домашнее обучение.

Домашняя школа нравилась Ашеру гораздо меньше школьной школы.

Они наблюдали, как машина миссис Гейнс скрывается в рощице пятнистых берез.

– Вон те деревья похожи на лапы огромных тощих далматинцев, – сказала Лия.

И правда, подумал Ашер. У сестры был талант описывать всякое.

Еще какое-то время до них доносился звук мотора – машина миссис Гейнс набрала скорость и, выехав на грунтовую дорогу, начала удаляться в сторону шоссе. Дождь прекратился, и сквозь затяжные облака пробивались солнечные лучи, отражаясь в мутных каплях.

Ашер, Лия и дедушка посмотрели друг на друга.

– А у тебя случайно нет шахмат? – спросил Ашер.

– Нет, извини, – сказал Рис. – Здесь не с кем играть.

– Иногда я играю сам с собой.

– Да, я слышал, что так можно, – сказал Рис.

Ашер кивнул.

– Обычно я начинаю с испанской партии. Или с сицилианской защиты. Но пока я могу просчитывать только первые пару ходов. После четвертого приходится записывать все на бумажке, чтобы не запутаться. Правда, с нотацией у меня еще плохо. Но это ничего, потому что скоро я научусь просчитывать вообще всю игру в уме. Как профессиональный игрок.

– А пока что я дам тебе ручку и побольше оборотов.

– Оборотки – это что?

– Это когда ты пишешь на оборотной стороне чего-то.

– Чего, например?

– Ну, старых отчетов, чеков. Так делают, чтобы экономить бумагу.

– О, здорово они придумали. А можно мне в туалет?

Кинник почесал голову:

– Тут вот какое дело... Я недавно купил биотуалет, но установить его оказалось чуть сложнее, чем я думал, а еще я заказал не те химикаты. Так что пользоваться им пока нельзя.

– И что тогда делать?

– Что ж, ты можешь сходить либо в кусты, либо в дырку.

– Какую дырку?

Рис направился к нужнику:

– Пойдем, я покажу. – Он отпер дверь и распахнул ее. – Прошу прощения за запах.

Ашер подошел и заглянул внутрь.

– Не так уж и воняет, – сказал он.

– Да, я засыпаю туда золу, она помогает.

– Что такое зола?

– Пепел, который остается от сгоревшего дерева.

– Понятно. – Ашер посмотрел вниз. Под сиденьем унитаза виднелась темная и страшная дыра в земле. – А какая тут глубина?

– Шесть футов.

Ашер закрыл за собой дверь, расстегнул ширинку и принялся за дело, любуясь солнечными бликами, проникавшими внутрь сквозь зарешеченные проемы по обе стороны тесной постройки. Ему нравилось смотреть, как струйка мочи исчезает в черной дыре, и слушать звонкое журчание, с которым она лилась вниз, но затем Ашер стал воображать, кто может жить там – на дне, и поток немедленно стих. Помыть руки было негде, поэтому он просто застегнул брюки и вышел из нужника.

На улице было тихо. Лия и дедушка Рис ждали Ашера снаружи, грея руки в карманах. Теперь вся троица неловко переминалась с ноги на ногу на заднем дворе, и каждый из них ждал, что будет дальше. Кто бы мог подумать, что и тишина может звучать по-особому? Ветер пробегал пальцами по кронам деревьев, совсем рядом журчала вода, даже от земли то и дело исходило тихое потрескивание. Ашер окинул взглядом дедовы владения – одинокий домик на пригорке, две хозяйственные постройки, склон холма за домом, поросший горными травами и тонкими облезлыми соснами, почти все были зелеными, но местами виднелись сосны с красновато-желтыми иголками.

– А те деревья с оранжевыми иголками, – наконец спросил Ашер, – они болеют?

Кинник посмотрел, куда указывал внук.

– Нет, это просто лиственницы. С ними так бывает.

– Похожи на горящие свечки, – сказала Лия.

– Очень похожи, правда? – Наблюдение внучки заставило Кинника улыбнуться. – Будто спички зажгли посреди всей этой зелени. Он прищурил один глаз. – Еще они хорошо подходят для растопки, если срубить их в нужное время. Когда дерево уже погибло, но в нем еще не завелись жучки и гниль.

– У тебя же раньше был сарай, да? – спросила Лия.

– Был, – ответил Кинник. – Молодец, хорошая память. Я его разобрал. И все остальное тоже планирую – нужник следующий на очереди. Если я когда-нибудь установлю этот несчастный туалет.

– А зачем тебе все разбирать?

– Ну... – Кинник снова запустил руку в волосы. – Эта земля принадлежала моему деду. Он купил ее у парня, который все это построил и прожил здесь десять лет. А до него на этом месте был дикий лес. И вот пару лет назад у меня возникла идея потихоньку вернуть эти земли в их естественное состояние, стереть следы человека.

Ашер покрутил головой по сторонам, пытаясь представить, что все постройки вокруг него исчезли.

На ржавой крыше дедушкиного дома стояло несколько солнечных батарей, а в тех местах, где с крыши стекала вода, серые стены покрывали коричневые разводы. Напротив, с другой стороны подъездной дорожки, располагался нужник – узкая деревянная будка с резным месяцем на двери, а за ней – насосная станция. Рядом был припаркован старый ржавый пикап, лобовое стекло покрывала паутина трещин, а спущенные передние колеса были утоплены в грязи. По заросшему травой полю за домом бежала мелкая речушка.

Ашер спросил:

– А можно посмотреть на речку?

– Ручей-то? Можно, – ответил Рис, и Ашер потопал к воде в своих зимних сапогах.

– Когда я был маленьким, – сказал Кинник, – этот ручей не пересыхал круглый год. Мы часто навещали деда, и весной в это же время у него здесь текла настоящая Амазонка. Воды было, наверное, раза в три больше.

Ашер обернулся:

– А куда она делась?

Кинник объяснил, что от вырубок, засух, строек и все менее снежных зим река превратилась в жалкий сток талых вод, едва достигавший пяти-шести дюймов в самом глубоком его месте. Этот мелкий ручеек огибал дом и спускался в ложину, где соединился с Тшимакейн-Криком – ручьем уже побольше, тянувшимся вдоль шоссе в сторону города и резервации и в конце концов впадавшим в реку Колумбия.

– А что такое резервация? – спросил Ашер.

– Земля, где живет племя спокан.

– Индейцы?

– Они самые.

– И эта вода течет к ним?

– Ну, не к ним, но по их территории. Она течет к океану. Как все реки в мире.

Ашер опустил взгляд на журчащую воду.

– А я могу его перепрыгнуть?

Рис подошел и встал рядом с внуком.

– Ты про то, *можно* ли тебе перепрыгнуть или *способен* ли ты перепрыгнуть?

– И то, и то. Наверное.

– Тогда мой ответ – «да». На оба вопроса.

– Ашер, не надо, – сказала Лия и посмотрела на Риса: – Он не очень силен в прыжках.

Она все еще стояла у дома, в двадцати шагах от них, сурово скрестив руки на груди. Ашер чуть не позеленел от злости: когда мамы не было рядом, Лия всегда вела себя как Мисс Всезнайка.

Кинник присел на корточки рядом с внуком.

– Ашер, ты прыгай, если хочешь. Но позволь сначала дать небольшой совет. – Он указал рукой куда-то перед собой: – Там, где ручей течет прямо, он обычно узкий, но глубокий – видишь? А вот на излучинах у ручья берега разные. Один называется яр, а другой – побочень. Яр – это тот, что с внешней стороны. Видишь, вода размывает берег и получается небольшой выступ? Уровень воды там глубже. А противоположный берег – это побочень. Там мельче и склон пологий. Ты, конечно, рискованный парень, но я бы на твоём месте разведал место, чтобы прыгнуть с яра на побочень, а не наоборот. Так и берег под тобой не обвалится, и совсем уж не вымокнешь, если свалишься – там же не глубоко. Понял, о чем я? Сверху вниз прыгать проще.

– Клево, – сказал Ашер. Он давно искал случай, чтобы опробовать это слово. – Клево, – повторил он. Да, звучало оно как надо. И про *разведать место* ему понравилось. Будто он индейский разведчик на вражеской земле. *Как же клево.*

– Ашер, – предупредила Лия.
Он отмахнулся, даже не взглянув на сестру:
– Смотри и учись.

* * *

Кинник не был до конца уверен, чему стал свидетелем. Он словно увидел птицу, решившую, что ей хватит одного крыла, чтобы взлететь. Внук прыгнул, но левая его нога подалась вперед, а правая так и осталась на берегу. Может, он успел передумать раньше, чем она среагировала на команду прыгать? В общем, Ашер кое-как оттолкнулся, потерял равновесие и плашмя рухнул в воду – Рис никогда бы не поверил, что можно промокнуть до нитки в ручейке по щиколотку.

Лия не стала церемониться с братом.

– Надо же было додуматься прыгать в зимних сапогах. – Она тяжело вздохнула и пояснила для Кинника: – Этот балбес ходит в них круглый год.

Рис растопил печку и принялся развешивать рубашку, брюки и носки внука на кухонной веревке, где обычно сушил одежду зимой. Ашер был кожа да кости: воротник пижамы, одолженной ему Кинником, открывал выступающие ключицы и очертания позвонков. К счастью, у мальчика хоть перестала течь кровь из носа, и теперь он спокойно грелся в кресле, глядя на огонь. Его светло-каштановые вихры слишком своевольно торчали во все стороны, чтобы их можно было назвать кудрями.

– У огня тепло, – заметил Ашер.

– Еще бы, я эксперт по теплomu огню.

Пока дедушка развешивал мокрые вещи, Лия взяла одну из тетрадей, валявшихся по всему дому. Цифры на их обложках, видимо, были номерами глав. На этой значилось «Гл. 47» и пояснение – «вульгарные ошибки». Лия пролистала тетрадь. Похоже, дедушка записывал в нее свои мысли насчет прочитанных книг. На первой странице печатными буквами было написано:

В «Лженауке суеверий» (1646, переизд. 1672) Браун предпринимает попытку обозначить «вульгарные ошибки» своего времени. Данная глава посвящена новой эре рациональной вульгарности, коренящейся в кризисе гуманистического взгляда на мир, а именно в том, что этические основы человечества – философия, мораль, мудрость и т. д. – не поспевают за научным прогрессом, что находит отражение, к примеру, в кантовском разделении природы и человека; см. «Критика практического разума»: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне»⁶. (См. также гл. 36: онтологические ошибки картезианского субстанциального дуализма.)

Кинник оглянулся и увидел, что Лия, нахмутив темные брови, сосредоточенно изучает его записи.

– Ой, это я... Это просто... – Он замялся. – Я сейчас работаю кое над чем. Хотя... – Рис усмехнулся, – работаю – это громко сказано.

Лия вернула тетрадь на место и взяла лежавшую рядом старую книгу в суперобложке. «Этика двусмысленности», Симона де Бовуар, – прочитала она.

– Хорошая книга?

⁶ И. Кант. «Критика практического разума», перевод Н. Соколова.

– Да, отличная, – ответил Кинник.

Ли очень понравилась обложка: на широких полосах цвета бананового мороженого были написаны название книги и имя писательницы, а между ними располагалась маленькая черно-белая фотография серьезной дамы в профиль. (Может, Ли тоже поместить свое фото на обложку будущего романа?) Из интереса она прочитала пару предложений, но язык оказался еще более заумным, чем в записях дедушки Риса, так что она поспешила закрыть книгу.

– А у тебя случайно нет «Призраков королевства»? Хотя бы первой части?

– Кажется, нет.

– Я люблю читать серии. Если у книги нет продолжения, мне так грустно с ней расставаться.

– Да, это объяснимо.

– А Валери Годвин? Ты ничего у нее не читал?

– А она еще жива?

– Конечно, она сейчас пишет одну серию, там главные герои узнают, что избраны эльфами-старейшинами для спасения мира.

– Х-м-м... Тогда боюсь, что ничем не могу помочь. – Рис жестом указал на книжные завалы: – Живых авторов здесь почти нет. Это сейчас, разумеется, – когда-то все они были живы. Когда писали свои книги так точно.

– У нас дома была твоя книга. – Ашер наконец оторвал взгляд от огня.

– Свою я тоже писал живым, – сказал Кинник. Но тут до него дошло: – Подожди, а почему была? Что с ней случилось?

– Шейн избавился от большей части книг, – сказала Лиля. – Когда мы переезжали.

– И от *моей* тоже? И ваша мама ничего не сказала?

Лиля положила «Этику двусмысленности» обратно в стопку.

– Комитет нашей новой церкви разослал всем прихожанам списки рекомендованной литературы, – сказала она. – От многих книг мы избавились еще тогда. А потом нам пришлось переехать, и места для всех остальных просто не хватило. Наверное, и для твоей книги тоже.

На свою единственную книгу Кинник потратил двенадцать долгих лет. «От реки до равнины» представляла собой сборник эссе о деградации окружающей среды на северо-западе США в двадцатом веке. Книга вышла в университетском издательстве, и Кинник предполагал, что читатели воспримут ее как кроткий призыв к пересмотру местной экологической политики. Но, видимо, призыв оказался уж слишком кротким. Рис работал над книгой по выходным и в отпуске, и ее публикация – на короткое время – стала его главной профессиональной гордостью. Он выступил с публичными чтениями в паре университетов и книжных магазинов на северо-западе, но после того, как тираж в восемьсот экземпляров был распродан, сборник больше не допечатывали. Он даже не знал, что случилось со всеми этими раскупленными книгами – существуют ли они еще?

Он часто представлял, что, когда последний экземпляр его книги исчезнет, сам он – Кинник – исчезнет вместе с ним, будет стерт с лица земли. Временами эта мысль приносила облегчение. Миру все равно не нужны были ни он сам, ни его занятая книжонка (а второй его труд, если Рис когда-нибудь вообще его закончит, – и подавно). Находясь в плену нелепого эгоцентризма, он связывал свой писательский провал с общественной тенденцией отвергать науку, философию, рациональность – элементарный здравый смысл, в конце концов. Но, конечно же, терзаясь незначительностью своего положения в ученом мире, Кинник не задумывался, что дочь и внуки наверняка переживут его книжку – что Лиля и Ашер, вероятно, задержатся на земле подольше, чем исследования их деда о сокращении популяции форели в северо-западных водах или скором исчезновении черничных кустов с хребта Селкерк, некогда синего от ягод.

А ведь *это правда*, подумал он. *Мы живы только до тех пор, пока о нас помнят. Пока кому-то есть до нас дело.*

У Кинника по спине пробежали мурашки, и он ощутил ту же волну сожаления и раскаяния, что и утром на крыльце, когда сначала не узнал собственных внуков, а потом услышал про побег дочери и смерть бывшей жены: *что же он наделал?* Глаза наполнились слезами, а голос дрогнул, когда он заговорил:

– Пойду проверю машину.

Дети подняли головы. Неужели слышали дрожь в его голосе?

– Надо убедиться, что она заводится, – добавил он. – Мы же не хотим опоздать на турнир.

Кинник направился к двери. Последние пару лет за продуктами он ездил на «форде» пятьдесят девятого года выпуска, но полгода назад пикап ушел на заслуженный покой и Рис был вынужден пользоваться своей старой машиной. На днях, попытавшись ее завести, он обнаружил, что аккумулятор сел, так что пришлось протянуть в подвал удлинитель и подсоединить к нему зарядное устройство.

Накинув рабочую куртку, он сошел с крыльца и зашагал по подъездной дорожке, которая огибала дом и вела к деревянным дверям, врезанным в склон холма под ним. Кинник отпер навесной замок и распахнул двери в полуподвальный гараж – небольшое пространство высотой в пять футов, которое он выкопал сам и укрепил шлакоблоками. Внутри стояла его старая салатного цвета машина.

– Что это?

Кинник обернулся и увидел, как Лия смотрит на него сверху вниз, стоя на обочине подъездной дорожки.

– Это? – Рис повернулся к машине. – «Ауди» 100 GLS семьдесят восьмого года. Пожалуй, самое темное пятно на славной репутации немецкой автопромышленности.

– Это гибрид?

– Ага, гибрид машины с металлоломом. Машинолом.

Кинник чувствовал, как к нему возвращается способность шутить – вот так, во время обычного разговора, – и от этого дышалось до того легко и свободно, будто он наконец вынырнул со дна и вдохнул долгожданный воздух. Да и Лия – такая же смышленная и рассудительная, как ее мать в детстве, – уже умела поддержать беседу.

– Пробег почти триста тысяч миль, – сказал он.

– А это хорошо?

– Для машины точно нет.

Кинник наклонился и протиснулся в темный закуток гаража. Он отсоединил зарядку от аккумулятора и бросил ее на захлавленную полку. Открыв переднюю дверь – свет зажегся, уже хорошо, – он проскользнул на водительское сиденье, закрыл глаза и повернул ключ зажигания. Что-то вздрогнуло и лязгнуло – скрежет металла о металл не предвещал ничего хорошего, – но тут, о чудо, машина завелась! Звук был такой, будто пару гаечных ключей забыли в стиралке, но, даже несмотря на облако болотно-черного дыма, вырвавшееся из глотки железного монстра, так определенно звучал успех!

Пока машина прогревалась, Кинник убрал с заднего сиденья книги и журналы, бросив их к другим книгам и журналам, валявшимся на земляном полу гаража.

Выбравшись из своей норы Хоббита, он выпрямился со словами:

– Гляди-ка, с первой попытки.

– Почему ты все бросил?

Кинник поднял взгляд на внучку, глазевшую на него с подъездной дорожки.

– Это твоя мама так сказала? Что я все бросил?

Как он не узнал эту девчущку сразу, только увидев на крыльце? Она не просто была похожа на мать, она *была* тринадцатилетней Бетани. В те годы, когда все еще не пошло под

откос, они с дочерью так хорошо ладили. Тогда у нее были те же пытливые глаза, темные и миндалевидные. Те же длинные каштановые волосы. Та же прямолинейность.

– Да. Мама сказала, что ты все бросил.

– Что ж...

Забавно, что дочь выбрала именно такую формулировку. Когда Бетани была в выпускном классе, Кинник страшно боялся, что она бросит учебу. Этот страх знаком каждому родителю, но в случае Бетани все и правда могло этим кончиться: уже тогда она познакомилась с наркотиками – сначала с травкой, потом с веществами потяжелее. И отношения со старшими у нее никогда не складывались: и учителей, и школьное руководство, и родителей она стремилась подловить на лицемерии – не на пустом месте, конечно, ведь все мы люди. Селия любила говорить, что у их дочери «аллергия на конформизм». Но даже когда они с женой начали подумывать о разводе, а Бетани превратилась в угрюмую семнадцатилетнюю разгильдяйку с косячком в руке, она не решилась вот так вот все бросить. Напротив, она окончила школу, потом колледж, а теперь, смотрите-ка, – на обочине жизни ее отец, а не она. Киннику стало интересно, заметила ли иронию Бетани.

– Тогда мне не казалось, что все так серьезно, – ответил Кинник. – Я ничего не бросал, я просто... брал передышку.

Получилось ли у него объяснить? Или следует сказать что-то еще? Он совсем разучился выражать свои мысли. Нет, все-таки этого недостаточно, решил он.

– Дело было не в твоей маме. Или бабушке. Или Шейне. И уж точно не в вас с Ашером. Надеюсь, вы оба это понимаете. И я надеюсь, что Бет... твоя мама тоже это понимает. Дело было только во мне. Мне казалось, что вся планета движется в одну сторону, а я – в другую.

Внучка по-прежнему не сводила с него взгляда. Как он мог объяснить ей свое добровольное изгнание? Отчасти причиной действительно стала та ссора с Шейном. И реакция Бетани. Тот случай оказался для Кинника символом мрачного поворота в судьбе всей страны. Как журналист, как американец, как рационалист он давно смирился с тем, что двадцать процентов его соотечественников – алчные засранцы. Но в 2016 году алчные засранцы объединились с тупыми засранцами и засранцами-параноиками в монолитный электорат, и Кинник понял, что сильно недооценивал их число. Сколько бы они ни составляли – полстраны или меньше, – такое количество засранцев вокруг себя он вынести не мог. Особенно в собственной семье.

Но, если уж говорить начистоту, причина не сводилась к соотечественникам, многие из которых лишь показали свое истинное лицо – растерянное, испуганное, равнодушное, – проголосовав за клоуна, расиста и мошенника. Нет, проблема была вовсе не в *них*. В большинстве своем люди просто повелись на обещания низких налогов, или насмотрелись бреда по телику, или, как Шейн, случайно провалились в псевдохристианскую лжеконсервативную выгребную яму. А может, просто сдались, поверили, что система насквозь прогнила, что нет разницы, какую партию выбирать. Или – кто знает, – может, они действительно тосковали по какому-то фантомному прошлому.

Что бы ни стояло за *их* решением, Кинник видел во всем этом лишь печальное следствие многолетнего культурного упадка, который он имел несчастье наблюдать воочию: в ряды правительства просачивались поп-звезды, из-за кабельного телевидения вымирали газеты, всю мировую информацию засасывало в гигантскую черную дыру, полную чуши, откровенной лжи и дерьма, – интернет, а в качестве вишенки на торте *худшего* человека в Америке избрали президентом. Внутри Кинника разрасталась пустота, похожая на депрессию. Наверное, неспроста эта глубинная тоска поселилась в нем как раз в тот момент, когда закончились его отношения с тогдашней подружкой, Люси, когда его «попросили» из газеты, когда он потерял карьеру, важную не только для него, но и для общества, и – как Кинник наивно полагал – для демократии.

Да, проблема была в *нем* самом – это *он* облажался, *он* не смог приспособиться, смириться с этой пошлой, грубой идеократией, *он* не захотел признавать, что *таков* теперь мир.

Так что... он взял от него передышку. Переехал на клочок земли, доставшийся ему в наследство от недоделанного деда-овцевода. Но как только он начал возводить эту невидимую стену, стирать свои следы, он уже не мог остановиться. Так продолжалось до сегодняшнего дня, когда Кинник вдруг осознал, что вот уже год живет исключительно в своей голове и непостижимым образом докатился до того, что даже не узнает собственных внуков.

– Я нахожу полезным проводить большую часть времени в одиночестве. – Кинник наконец нашелся с ответом. – Общество, даже самое лучшее, скоро утомляет и отвлекает от серьезных дум⁷.

Лиля недоуменно уставилась на него.

– Полагаю, Торо не было в списках рекомендованной литературы?

– Кажется, нет, – сказала Лиля.

– Ну конечно, нет. – Кинник постарался изобразить на лице образцовую дедовскую улыбку, и снова в голове промелькнуло: *О, Селия. О, Бетани. Мне так жаль.*

– Что ж, тогда... – Кинник прокашлялся. – Как смотришь на то, чтобы отвезти твоего промокшего братца-вундеркинда на шахматный турнир?

Он направился к дому, но девочка не сдвинулась с места.

– Я должна предупредить... – она поморщилась, – что в шахматы он играет примерно так же, как прыгает через ручьи.

Кинник улыбнулся.

– И ты хочешь пропустить такое зрелище?

* * *

В День благодарения в 2016 году Кинник отъехал от дома дочери, не имея ни малейшего представления, куда ему направиться. Костяшка безымянного пальца на правой руке пульсировала – видимо, ударив Шейна по его чугунной голове, он сломал какую-то косточку. Рис даже немного расстроился, что зять не ударил его в ответ, но нужно было отдать Шейну должное: несмотря на все свое бахвальство, к насилию тот склонен не был. Кинник мчал на север по трассе I-5 сквозь ключья тумана, а мобильник, словно осуждая его, попеременно то жужжал, то трезвонил на пассажирском сиденье. Кинник потянулся за ним, не останавливая машину, и начал читать всплывшие на экране сообщения, изредка посматривая на дорогу. Селия писала что-то в духе «Разворачивайся, мы и так тебя поняли», а Бетани – «Не вздумай возвращаться».

Ему следовало позвонить Бетани и извиниться, позвонить Селии и все объяснить или, может, позвонить в Спокан своей бывшей возлюбленной Люси, чтобы та выслушала его и успокоила. Последний вариант, честно говоря, казался самым заманчивым, но Люси ясно дала понять, что им с Кинником больше не по пути. (*Я, блядь, больше не хочу тебя видеть. Никогда.*) Боже, благослови Люси Парк и ее вопиющую прямолинейность. И все же, чисто технически, разговаривать по телефону не то же самое, что *видеться*.

Нет, стоп. Если кому-то и звонить, то Бетани. Так будет правильно. Она оставила ему два голосовых сообщения, и именно перед ней он провинился больше всего. Все, что ему нужно было сделать, это нажать ее имя на экране, и бум – силами науки и техники его умница Бетани окажется рядом, он услышит ее так же четко, как если бы она сейчас мчалась с ним в машине со скоростью восемьдесят миль в час. Он повертел в руке айфон. Поразительно. Последние ниточки, связывавшие его с людьми, хранились в электронном нутре телефона. Кинник больше не помнил наизусть ни одного номера. Все они были лишь «проводками» в микрочипе, битами данных в этом устройстве. Разбуди его ночью, он мог бы без запинки отчеканить телефонные

⁷ Цитата из «Уолден, или Жизнь в лесу» Генри Д. Торо, перевод З. Александровой.

коды своей юности (Уолнат-4-9378, Кистон-6-2454...), но без этого «поп-тартса»⁸ современной науки стоимостью в шестьсот долларов он не мог связаться с другими людьми, а они не могли связаться с ним.

Но и это еще не все! Это устройство знало его как никто другой: его слабости (*лучшие акции в барах поблизости*), его вкусы (*соул семидесятых и R'n'B*), его фрустрации (*эрекция после пятидесяти*), его низменные жалкие желания (*ищу энергичную даму от сорока до пятидесяти, только свидания, без обязательств*), даже то, какие носки он предпочитает (*спортивные, белые и черные*), все места, где он когда-либо бывал – пешком или за рулем...

Кинник и сам удивился, увидев, что его телефон вылетел в окно. Конечно, опустил стекло он сам, так что произошедшее не должно было его шокировать, но удивительным образом тело Кинника опередило его мозг. Он успел бросить взгляд в боковое зеркало и увидел, как телефон прокувыркался по обочине и исчез в зарослях сорняка на разделительной полосе.

Нужно вернуться! Рис почувствовал этот импульс на животном уровне, словно вместо телефона он выбросил младенца или последнюю бутылку выпивки. А вдруг он кому-то понадобится? Вдруг Шейн начнет буянить? Вдруг что-то случится с детьми? Вдруг Люси Пак захочет все вернуть? Вдруг «Нью-Йорк Таймс» предложат ему работу? Вдруг энергичная дама от сорока до пятидесяти, заинтересованная исключительно в сексе, напишет ему? Вдруг у него кончатся носки?

Конечно, он может просто купить новый телефон.

– Если я это сделаю, – пробормотал Кинник, – то пропаду окончательно.

Было тихо. У него в голове. Без телефона. Какое счастье.

Дорожный указатель сообщил, что он приближается к Риддлу.

– Ну вот и все, – произнес Кинник вслух, не зная, что это только начало – впереди было семь лет разговоров с самим собой. Позволив машине самой выбирать курс, он убрал руки с руля, и «ауди» – спасибо дерьмовой подвеске – резко вильнула и унесла его с автострады на съезд к маленькому придорожному городку.

На главной улице Риддла он нашел ирландский паб, в окне горела неоновая вывеска «открыто». *Да благословенны будут труды твои...* Козырек перед зданием поддерживали столбы вроде тех, к которым ковбой когда-то привязывали лошадей. Выйдя из машины, Кинник притворился, что привязывает к одному из них свою «ауди».

– Тише, девочка, – сказал он машине.

Дверь паба открылась с приятным скрипом, впуская его в темный зал. Всегда было что-то волнующее в том, чтобы опрокинуть стаканчик посреди дня, и Кинник плюхнулся на стул за барной стойкой. Трилистники, постеры с рекламой пива, бильярдные столы – паб выглядел именно так, как полагалось. Помимо Кинника, посетителей было всего двое, перед каждым стояло по пирогу в пластиковой форме и по кружке светлого разливного.

– С Днем благодарения, – поприветствовала его барменша. Она была где-то на шестом месяце беременности, а грудь ее украшала татуировка в виде роз, поднимающихся от декольте к шее.

– И вас, – сказал Кинник.

Девушка достала из морозилки готовый пирог с индейкой.

– Последний кусок остался. Будете?

– Похоже, он сегодня нарасхват.

– Шесть баксов.

– За полцены вообще подарок.

Она достала пирог из коробки и поставила в микроволновку.

⁸ «Поп-тартс» – популярное в Америке прямоугольное печенье с начинкой.

Перееду в старый дедов дом, подумал Кинник. Уже десять лет он пытался решить, что делать с сорока акрами земли, доставшимися ему после смерти отца, а отцу – после смерти *его* отца, деда Кинника. Он мог бы привести в порядок заброшенный дом. Стать отшельником. Зажить простой жизнью. *Исчезнуть там. Да, решено.*

Он не сомневался, что *может* исчезнуть из жизни Люси и Бетани, но что-то подсказывало, что человек, от которого он по-настоящему хочет скрыться, будет смотреть на него из зеркала в любой точке земного шара.

Может, обойдусь и без зеркала, подумал он и улыбнулся.

– Что будем пить, весельчак? – Барменша поставила перед Кинником тарелку с дымящимся пирогом и вручила ему вилку и одну-единственную салфетку.

– Учитывая, что в следующий раз я выпью еще не скоро, – сказал он, – налейте что-нибудь на ваш вкус. Что бы *вы* мне предложили?

Она повернулась к кранам.

– Бад. Бад-лайт.

– А может, коктейль? «Манхэттен»?

– Я не знаю, как он делается.

– Это просто виски, сладкий вермут и биттер.

– Из всего этого у нас есть только виски.

– Тогда давайте виски.

– «Бим», «Джемесон» или «Джек»?

– В Ирландии жить – «Джемесон» пить.

– Двойной? До пяти вечера цена как за обычный.

– Вот это я удачно зашел, – сказал Кинник.

Барменша поставила стакан с виски рядом с пирогом.

– Благодарю, – сказал Кинник и, желая поддержать беседу, спросил: – Мальчик или девочка?

– В смысле? – спросила барменша.

– Забудьте, – ответил Кинник.

С этими словами он отправил в рот кусочек полуфабрикатного пирога с индейкой и поднял свой стакан, обращаясь к соседям по барной стойке:

– С Днем благодарения, господа!

И началась новая жизнь.

* * *

Кинник посадил детей в свою старую развалюху, и они покатали по грунтовой дороге, а затем выехали на шоссе, затерявшееся среди густого леса, и проделали десять миль – мимо ранчо и ферм, по извилистой Хантерс-роуд до городка Спрингдейл. По пути он комментировал:

– Браттоны держали пару сотен герефордских коров, пока у старика совсем спина не отказала. А вон на той ферме много лет жила коммуна, но в итоге все они разъехались.

Кинник рассказал, что в Спрингдейле в свое время были лесопилка и железнодорожный узел, а его дед купил неподалеку небольшое ранчо в конце сороковых, когда людей в городе было вдвое больше. Тут он сбросил скорость и свернул на главную улицу Спрингдейла, растянувшуюся всего на два квартала. На ней когда-то находилась оживленная железнодорожная развязка, предназначенная для транспортировки пиломатериала, и с десятков мелких предприятий для ее обслуживания. Железной дороги в городе давно уже не было, и на всей улице работали только два заведения: унылая закусовая и еще более унылый продуктовый магазинчик,

цены в котором, по мнению Риса, были «не намного ниже, чем в круглосуточном минимаркете на заправке».

Ашер и Лия переглядывались, заинтересованные экскурсией, которую устроил их дед. Поначалу им казалось, что он едва способен вести разговор, а теперь у него во рту будто открылся какой-то кран и слова лились не переставая.

На развилке они не стали поворачивать на запад, к озеру Лун, откуда дети приехали с Анной Гейнс, а отправились на юг – к городку Форд и, как сообщал дорожный знак, земле племени спокан.

Рис забормотал себе под нос:

– Ох, не знаю. Наверное, это плохая идея. И, может... – он прикусил губу, – может, они даже не... – Он сбавил скорость. – Уверен, они даже не захотят...

Пока машина ползла по дороге, Кинник, вытянув шею, высматривал что-то впереди.

– Вот черт, – сказал он, увидев две машины, припаркованные перед широким модульным домом чуть в стороне от шоссе. – Они дома. Похоже, сейчас или никогда.

Он заехал на огороженный участок и припарковался перед домом, стоящим рядом с громадным жестяным амбаром с выцветшей вывеской: «Резервный капитал племени спокан». На заборе висели написанные от руки плакаты: «Рудник „Миднайт“ – ЗЛО!», «Требуем консервации карьеров!» и «Минэнерго лжет!»

– Ладно, дети. – Рис глубоко вздохнул. – Заранее прошу прощения за все нецензурные выражения, которые вы сейчас услышите. Но это будет для всех нас хорошим уроком. Не откладывайте дела в долгий ящик. И не пейте днем.

– Кто здесь живет? – спросила Лия.

– Мои друзья – Брайан и...

Не успел он договорить, как из дверей дома с громким лаем выскочила немецкая овчарка, а следом за ней с невысокого крыльца спустился грузный индеец в серых трениках, толстовке «Окленд Рэйдерс»⁹ и пушистых тапочках.

– Кинник, мать твою, какого ху... – Мужчина вовремя заметил в машине детские лица. – Что ты, ради всего святого, тут делаешь?

Рис вылез из машины и поднял руки в примирительном жесте.

– Брайан, извини. Я собирался позвонить, но совершенно забыл, что у меня нет телефона.

– Что за чушь? С чего ты решил, что можешь вот так вот заявляться?

Пес все еще заливался лаем, но от хозяина не отходил. Тут из дома вышла такая же грузная женщина.

– Хватит, Билли, – сказала она, и собака тотчас вернулась в дом.

Женщина была полной и красивой, кожа на пару тонов светлее, чем у мужчины, на голове ежик седых волос.

– Рис, это твои внуки, что ли?

– Ходят такие слухи. Привет, Джоани. Как ты?

– Да ничего. Вполне себе.

Дальше события развивались стремительно. Мужчина по имени Брайан подошел к Рису вплотную, и они стали тихо переговариваться, цедя слова сквозь зубы. Женщина – Джоани – кинулась к детям и быстренько завела их в дом, а когда Ашер и Лия разулись и сняли куртки, их уже ждали чашки с горячим шоколадом и кленовое печенье. Дом оказался уютным: пол устлан ковром с густым ворсом, напротив двух кожаных кресел большой телевизор, а стены украшены старинными индейскими рисунками на линованной бумаге – воины-всадники¹⁰. Пес

⁹ «Окленд Рэйдерс» – команда по американскому футболу, основанная в Окленде, штат Калифорния, в 1960 году.

¹⁰ Имеется в виду форма визуального искусства, возникшая у коренных народов Великих равнин в XIX веке. Индейцы изображали сцены сражений, охоты и жизни племени на страницах бухгалтерских книг, доставшихся им от белых переселенцев.

плюхнулся на мешковатую лежанку перед телевизором. Джоани усадила детей за небольшой барный стол, чтобы они могли спокойно перекусить. Шоколад и печенье были пальчики оближешь.

– Берите еще. – Джоани придвинула к ним упаковку кленового печенья.

– А у вас есть туалет? Не уличный? – спросил Ашер.

– Конечно, – ответила женщина. – Прямо по коридору.

В окно они видели, как Брайан, стоя на пыльном газоне перед домом, кричит, тыча пальцем в Кинника, а тот, точно провинившийся школьник, послушно кивает, сунув руки в карманы.

– Из-за чего он так злится? – спросила Лия.

Джоани окинула детей взглядом и, видимо, решила, что они уже достаточно взрослые, чтобы слышать правду. А может, история была слишком хороша, чтобы ей не поделиться.

– Ну, слушайте, – начала она. – Решили мы как-то отдохнуть в Ту Риверс. И вот пришвартовались мы к причалу, сидим пьем вино – я, Брайан и Рис, – и вдруг, когда Брайан отошел на берег отлить, ваш дедушка ни с того ни с сего признается мне в любви. Люблю тебя, говорит... – Джоани тихо хихикнула, а затем, не сводя глаз с мужчин за окном, продолжила рассказ: – Но это еще цветочки. Я бы просто отшутилась, сказала бы «ясненько, Рис» и списала бы все на вино и это его одиночество. Но тут Брайан возвращается, и ваш дедушка – болван этакий – решает, что нужно сказать ему то же, что он сказал мне.

– Что он его любит? – спросил Ашер.

Джоани отвернулась от окна и от души расхохоталась, издавая звуки, похожие на лай.

– Вот уж точно, сынок! Брайана он любит. И уж побольше, чем меня. Смотреть, как эти двое спорят о политике, все равно что наблюдать за брачным танцем. Но нет, он признался Брайану, что я ему нравлюсь и что он не планирует ничего с этим делать, просто всю жизнь тайны выходили ему боком и все в таком духе. Сказал, что переосмысливает для себя честность или что-то вроде того, что ничего от меня не требует, просто ему было важно выговориться – и, естественно, приспичило ему это сделать пьяным вдрызг на причале в Ту Риверс! – Джоани снова рассмеялась.

– А давно это случилось? – спросила Лия, вспомнив, что дедушка говорил что-то про дела и долгий ящик.

– Да почти год как, в июле.

– И с тех пор вы ни разу не виделись?

– Ни разу. Потому что дальше ваш пьяный дедушка говорит, что, мол, раз уж он поднял эту тему, Брайану следовало бы относиться ко мне получше и уделять мне больше внимания, – в этом я с ним, кстати, согласна, – но для Брайана, который только узнал, что ваш дедушка втрескался в его гражданскую жену, это было уже чересчур, и он такой – «не суй свой херов нос в чужие дела», и они как сцепятся, чуть до драки не дошло! А дедушке вашему я так и сказала: мне приятно, конечно, но мы с Брайаном так-то хорошо живем – в казино ходим, с Министерством энергетики боремся, столько всего вместе сделали, что уже как одно целое. – Она помахала перед лицом рукой, словно отгоняя муху. – И в любом случае я уже слишком стара для... как там его?

Лия с Ашером одновременно пожали плечами. Они понятия не имели, о чем она.

– Тройничка? – Джоани снова залилась смехом-лаем, и пес на лежанке наострил уши. – Нет уж, увольте. В два раза больше стирки и готовки, вот и все.

Брат с сестрой переглянулись, и Ашер одними губами переспросил: *Тройничка?*

– Я надеялась, что они отдохнут друг от друга, остынут, а потом прошел месяц, и еще, и еще... а Брайан только больше злился и... Они оба, знаете, те еще упрямцы.

Тем временем Брайан во дворе, кажется, подуспокоился, он больше не размахивал руками, а с важным видом втолковывал что-то Рису, который продолжал кивать. В конце кон-

пов он выдохся. Кинник что-то сказал и протянул руку, и секунду спустя Брайан пожал ее. Они обнялись, похлопав друг друга по спине. Потом Рис снова что-то сказал, и Брайан рассмеялся.

– Ну наконец-то, – сказала Джоани. – Мир спустился в нашу долину. – Она приподняла чашку с кофе, салютуя. – Не говорите дедушке, но Брайан страсть как по нему скучал.

Мужчины зашли в дом.

– Кофе? – спросила Джоани.

– Спасибо, Джоани, – сказал Рис, – с удовольствием. Вообще-то, я бы хотел и перед тобой извиниться. Мне не стоило тогда...

– Нет, нет, нет! – остановила его Джоани. – Не смей брать свои слова обратно, Рис Кинник. Свидетели все помнят, друг мой. – Она повернулась и подмигнула Лии: – Девушки моего возраста нечасто слышат признания в любви, даже от пьяных друзей. Так что ты не отберешь его у меня, нетушки. Придется тебе с этим жить.

– Давай, – Брайан обратился к Рису, – спроси ее, о чем хотел.

– Джоани, – сказал Рис, – я совсем не ожидал, что мне придется приглядывать за внуками, и, как видишь, я слегка напуган. Как думаешь, я мог бы воспользоваться вашим душем, а потом... может... – Он взъерошил свою седую копну. – Ты могла бы меня постричь?

Джоани приложила руку к груди:

– Ну конечно же, Рис.

Брайан усмехнулся:

– Душ – это блестящая идея, дружище. От тебя несет за две мили.

Кинник понюхал свою подмышку.

– А вы индеец? – неожиданно спросил у Брайана Ашер.

– Ашер... – осек его Рис.

– Правильно говорить – коренной американец, – поправила Лия.

– Ой, верно. Извините. А вы коренной американец?

– Да, – сказал Брайан. – Мои предки – из племен спокан и колвилл.

– А у вас есть прозвище? Как у всех воинов?

– Конечно, – сказал Брайан. – Мой народ зовет меня Стоячей Водой. Нас у мамы трое: я, старшая сестренка Затопленный Подвал и младший братик Испорченный Ковер.

– Брайан, – пожурела его Джоани, – не издевайся над мальчиком.

Брайан подмигнул Ашеру:

– Ладно, мой народ зовет меня Брайаном. – Он протянул ему руку. – А тебя как звать?

Ашер пожал руку мужчины.

– Мой народ зовет меня Ашером, – сказал он.

* * *

Кинник провел рукой по чисто выбритому лицу, затем по короткому ежику волос. Сразу вспомнилось раннее детство: вечер после купания, отец стрижет их с младшим братом старыми армейскими ножницами, а Рис трогает мягкую папину бороду и колючую щетину на его шее.

Кинник взглянул на внуков. Они и представить себе не могут, что он когда-то тоже был ребенком и что они сами однажды станут такими же старыми и дряхлыми, как он. Нет, не могут. Никто не может. И он в детстве не мог вообразить ни деда, ни дядей, ни отца с матерью детьми – а ведь они ими были. Маленькому Киннику все взрослые казались существами другого вида, динозаврами.

– И никого из них не осталось, – сказал Рис.

– Что? – спросила Лия.

– Ничего, – ответил Кинник. Он так привык разговаривать сам с собой, что перестал замечать, как слова вырываются наружу.

Конечно, однажды – и довольно скоро – и он уйдет вслед за дедом, отцом, младшим братом. Все его поступки и достижения будут живы лишь в сердцах людей, для которых он что-то значил. Он перестанет быть человеком из плоти и крови и даже книгой в чьем-то подвале, как он понял сегодня, и останется не более чем угасающим воспоминанием для тех немногих живых душ, которые будут вспоминать его, причем далеко не с таким теплом и благодарностью, как его бывшую жену Селию, отправившуюся в причудливый унитарийский рай, о котором она так мечтала. Или, если он, Кинник, прав, вернувшись к земле и простым элементам, из которых была создана. Или, если прав Шейн, приговоренную вечно гореть в аду под копытами пляшущего козла-демона за то, что выбрала неправильную церковь, не молилась на иных языках и голосовала не за тех. *О, Селия.*

– Они очень милые, – сказала Лия. – Джоани и Брайан.

– А? – Рис обернулся. – Да. Конечно. Джоани и Брайан милые.

– Ты правда любил ее? – спросила Лия.

Ох уж эта девчушка. Не ходит вокруг да около, а метит в самую суть. Прямо как раньше, когда он возвращался с работы, а Бетани... Кинник рассмеялся, осознав, что снова путает внучку с дочерью – смотрит на Лию и переносится на двадцать пять лет назад. Боже правый. Если по вине Шизика Шейна с головы его девочки упадет хоть один волосок... Кинник постарался не представлять наихудший сценарий.

Лия все еще неотрывно смотрела на него с пассажирского сиденья, ожидая ответа. В зеркале заднего вида Рис заметил, что и Ашер поднял глаза от тетради, которую он дал ему для записи шахматных нотаций.

– Любил ли я Джоани? – Рис задумчиво поджал губы. – Нет, думаю, что нет. На самом деле не любил. Во всяком случае не так, как вашу бабушку. – *И Люси*, подумал он. – Но она мне очень нравилась.

– А как понять, что любишь по-настоящему? – спросила Лия. На этот раз голос ее прозвучал тише.

– Ну. Боюсь, точного ответа у меня нет. Сначала ты просто чувствуешь, что очень хочешь быть с этим человеком. Постоянно думаешь о нем. – Он снова подумал о Люси. – А потом, если твои чувства настоящие, счастье этого человека становится для тебя важнее собственного.

Кинник посмотрел на внучку, гадая, не стояло ли за ее вопросом что-то, кроме простого любопытства.

– Странная вещь, правда?

– Мама говорит, что из-за алкоголя люди делают глупости, – вмешался с заднего сиденья Ашер.

Рис рассмеялся.

– Мама права. И еще из-за одиночества.

Он снова провел рукой по затылку – там, где его касались руки Джоани. С этого все и началось. Она подрабатывала парикмахершей в лавке рядом с домом, и именно Брайан предложил Рису сходить постричься к его «благоверной». Было что-то особенное в том, как она порхала над ним, как клала руки на его плечи и пробегала пальцами по волосам – какой была заботливой. Теперь он ясно понимал, что в обычной стрижке ему привиделся намек на душевную близость, которой он практически лишился, перебравшись в лес. Он настолько отвык от людей, что, казалось, вообще разучился общаться – именно этот период в истории своего затворничества Рис считал самым черным. Он приручил свое одиночество, внушил себе, что люди ему не нужны, но, конечно, стоило ему подумать о Джоани в новом ключе, как молчать об этом стало невозможно – он бы просто умер, не скажи он *хоть чего-нибудь*. Добавьте ко всему этому две бутылки посредственного красного вина на старой рыбацкой лодке Брайана, и вот Кинник спьяну убедил себя, что на кону стоят его принципы и нужно немедленно сообщить Брайану о своих чувствах к Джоани.

– Принципы, ну да, – произнес он и усмехнулся.

Лия снова уставилась на дедушку.

– Прости, не могу перестать думать вслух, – сказал он.

Миновав межобщинную территорию Тамчум, они двигались вдоль реки Спокан по направлению к городу. Время здесь будто бежало назад – Брайан называл этот маршрут «Спеши по Следу слез». Всего в пятидесяти милях от Споканских водопадов – главного поставщика рыбы в те века, когда дамбу еще не построили и лосось мог заходить вверх по течению, – находилось отдаленное место, куда были изгнаны предки Брайана в 1881 году. Индейская резервация Спокан – потрясающе красивая, покрытая сухими лесами, богатая ураном и отравленная радоном земля – лежала почти в сорока милях к северо-западу от дальней окраины второго по величине города штата Вашингтон.

Рис познакомился с Брайаном и Джоани, когда работал над статьей об экоактивистах, требовавших от Министерства энергетики и Департамента экологии США законсервировать и рекультивировать старый рудник «Миднайт». Три миллиона тонн урана, извлеченных там из подземных недр резервации, затем перевозились за 160 миль на юг, в Хэнфорд, обогащались, очищались и в годы холодной войны использовались для создания атомных бомб, испытания которых проходили на морском дне, островах и даже в открытом космосе. В 1981 году, спустя век после переселения племени на эти земли, месторождение иссякло, карьеры забросили, и вот тогда урановые «хвосты» стали просачиваться в грунтовые воды и многочисленные ручьи резервации. Рис написал несколько статей о заброшенном руднике и опасных радиоактивных отходах, о высоких показателях заболеваемости раком и рассеянным склерозом среди местного населения, но доказать, что болезнь вызвана экологической обстановкой, почти невозможно, и за годы своей журналистской карьеры Рис уже смирился, что его писанина не меняет ровным счетом ничего.

Старая дребезжащая «ауди» повернула на юг, затем на восток и покатила по склону, спускаясь в пригород Спокана. Современные многоквартирные комплексы с балконами и уродливые модульные строения под самодельными навесами, которые Кинник в шутку называл «дворцами», в черте города уступали места двухуровневым коттеджам прошлого века, бунгало и домам в стиле ранчо, мини-моллам и большим гипермаркетам, а по мере приближения к центру – викторианским и ремесленным домам конца девятнадцатого столетия, лачугам шахтеров и лесорубов и кирпичным многоквартирным зданиям – наследию некогда процветавшего мегаполиса. Здесь машина времени останавливалась. Нет, с горькой иронией отметил Кинник, им не увидеть ни сохранившихся с далеких времен типи¹¹, ни землянок, ни шалашей.

Он попытался вспомнить, когда был в Спокане в последний раз. Года два с половиной назад? Точно. Разболелся зуб. Пришлось ехать к стоматологу. Обычно все его нужды можно было закрыть в городках поблизости: продукты он покупал в Спрингфилде, книги – в антикварных магазинчиках в Чеуэле, а за пивом изредка заезжал в таверну в Лун Лейк. Но когда воспалился зубной нерв, от поездки в большой город было не отвертеться.

Торо было всего двадцать семь, когда он поселился в хижине размером десять на пятнадцать футов на берегу уолденского пруда, где два года и два месяца провел в духовных терзаниях и борьбе с кариесом. К тридцати трем годам у старины Генри Дэвида не осталось своих зубов. Киннику же, пробывшему в уединении на пять лет дольше, удалось дожить до шестидесяти с целыми и невредимыми резцами – все благодаря волшебным рукам споканских дантистов.

После того как врачи удалили ему нерв, с цивилизацией он снова распрощался.

– И вот я снова тут, – сказал Кинник.

¹¹ Типи – традиционное переносное жилище кочевых индейцев Северной Америки, представляющее собой коническую палатку, покрытую шкурами или полотном.

– Ты о чем? – спросила Лия.

– Ни о чем.

Турнир по шахматам, как объяснила ему миссис Гейнс, проходил в здании аббатства¹² в западной части Центрального Спокана – старейшем рабочем районе города. Споканский шахматный клуб собирался в епископальной церкви девятнадцатого века – небольшом красно-кирпичном здании со шпилем и пристройкой для настоятеля. Вывеска перед входом гласила: «Здесь рождается справедливость, радость, сострадание и мир».

На посыпанной гравием парковке было всего четыре машины, еще несколько стояло на улице. Рис припарковался и обернулся к внуку:

– Готов задать им жару, Каспаров?

Ашер поднял взгляд от тетради, и на его лице вдруг промелькнула паника.

– Я хочу писать.

– Уверен, у них есть туалет.

– Надеюсь! – Мальчик заерзал на месте.

Разве он не ходил в нужник дома у Кинника? И потом еще раз, у Брайана и Джоани? У мальчишки, похоже, был мочевого пузыря с монетку.

– Постарайся расслабиться, Ашер, – сказала Лия. И посмотрела на дедушку, выразительно подняв брови.

– Я только хотел сказать, что правда очень рад вашему приезду, – сказал Кинник, неожиданно для самого себя. – И мне ужасно жаль, что меня так долго не было в вашей жизни. Что я не был хорошим дедушкой и хорошим отцом для вашей мамы. Но я приложу все усилия, чтобы это исправить. – Он похлопал Ашера по коленке: – А теперь давай-ка поскорее найдем туалет, пока ты не сходил конем в штаны.

Они выбрались из машины, и Рис заметил, как на другом углу парковки из огромного черного пикапа вышли двое мужчин. Любителями шахмат они явно не были. Их груди и животы выдавались вперед под черными футболками и одинаковыми нейлоновыми куртками. Одному, с козлиной бородкой и стрижкой под машинку, было на вид лет тридцать. Другой, гладковыбритый и лысый, постарше – его голова блестела так, что казалась металлической. Именно от второго, лысого, исходила смутная угроза. Киннику показалось, что он где-то его видел, но вспомнить где никак не получалось.

На заднем стекле пикапа красовался Гадсденовский флаг¹³, а на откидном борте – наклейка, которую Рис сначала принял за логотип телеканала, пока не пригляделся и не прочитал, что ABC¹⁴ расшифровывается как «Армия Вечного Света». Он снова посмотрел на мужчин и заметил под курткой у Козлиной Бородки черный ремень наплечной кобуры.

– Ашер! Лия! – Лысый зашагал в их сторону. – Вот вы где. Ваш отец места себе не находит!

– Это друг Шейна, брат Дин, – прошептала Лия Киннику. Затем, уже громче, представила его приближающимся мужчинам: – Это наш дедушка Рис. Он писатель и отшельник.

– День добрый, сэр, – сказал лысый, подойдя к ним. – Дальше мы сами. Шейн попросил нас заехать за детьми, но дома их не оказалось. Их соседка сказала, что вы можете привезти их сюда.

¹² Аббатство Уэст-Сентрал – епископальная церковь, ныне общинный и культурный центр. Название «аббатство», которое приход получил лишь после возрождения в 2018 году, подчеркивает «монастырский дух» церкви, места общих молитв и встреч в рамках социальной поддержки.

¹³ Гадсденовский флаг – желтый флаг с изображением свернувшейся гремучей змеи и надписью «Не наступай на меня» (англ. *Don't Tread on Me*). Создан в годы Американской революции в 1775 году, ныне используется как символ независимости и протеста, в том числе правыми радикальными движениями.

¹⁴ ABC (*American Broadcasting Company*) – один из крупнейших телеканалов США, транслировавший такие культовые телесериалы, как «Отчаянные домохозяйки», «Анатомия страсти» и «Остаться в живых».

– Мне очень нужно в туалет, – сказал Ашер, переминаясь с ноги на ногу.

– Давай так, – сказал брат Дин, – мы сейчас спросим, можно ли сходить в туалет в церкви, а потом позвоним твоему папе и скажем ему, что ты скоро будешь дома. Как тебе такой план?

– У Ашера сегодня шахматный турнир, – сказал Кинник.

– Правда? – отозвался брат Дин. – Что ж, боюсь, его отец не уверен, что это хорошая идея. Сами понимаете, мать сбежала и все такое. – Он посмотрел на Ашера сверху вниз: – Твой папа попросил меня присмотреть за тобой пару дней, пока он не вернется из поездки. А потом вы с ним и пастором Галленом сможете помолиться об откровении насчет шахмат. Что думаешь, приятель?

Рис рассматривал стоящих перед ним мужчин. В них не было ничего откровенно угрожающего. Но откуда ему был знаком этот лысый? Память снова его подводила. И все же он не знал, как ему лучше поступить.

– Миссис Гейнс попросила меня присмотреть за детьми, – сказал Рис.

– Это было очень своевольно, – сказал брат Дин. – Шейну не понравилось, что она с ним не посоветовалась. Я так ей и сказал.

– Можно я пойду? – Ашер аж зажмурился.

– Я отведу его в туалет, – сказал Кинник.

– Нет, я отведу, – сказал брат Дин.

– Пойдем все вместе, – предложил Кинник.

– Нет, – сказал брат Дин, – не пойдем.

Кинник видел страдания на лице внука.

– Ладно, пусть идет с вами. – Он повернулся к Лии: – Хочешь тоже?

Дин повел детей в церковь. Второй мужчина остался на месте, внимательно наблюдая за Кинником, и у того вдруг возникло чувство, что его стерегут.

– Мы все о тебе знаем. – Козлиная Бородка криво оскалился, обнажив клыки.

– Да что ты. Ну так и я о вас наслышан. АВС, да? Это же ваше утреннее шоу, как там его... «Гутен морген, майн фюрер»?

Улыбка на лице мужчины исчезла.

– Кстати, когда там новый сезон «Анатомии страстей Христовых»?

– Шейн говорил нам быть осторожнее. Предупреждал, что ты любишь бить исподтишка, как трус. Это правда, Мистер Тесть?

– Зависит от обстоятельств. – Кинник почувствовал, как кровь закипает у него в жилах.

– Думаешь, ты самый умный? А мне ты таким не кажешься. Ну давай, ударь меня, умник.

Но брат Дин с детьми вернулись раньше, чем дело дошло до драки. Кинник и Козлиная Бородка наблюдали, как они втроем идут через парковку.

– Сегодня шахматный турнир для взрослых, – сказал явно разочарованный Ашер. – Мы все перепутали. Детский только через месяц.

– Что ж, значит, вернемся попозже, – сказал Кинник и обратился к брату Дину: – Дети с вами не поедут.

Дин прищурился.

– Еще как поедут. Это не вам решать. Их отец попросил нас приглядеть за ними, пока он не вернется.

– Тогда я тоже поеду, – сказал Рис.

– Шейн будет против.

– Бетани оставила мне записку с просьбой присмотреть за ними. – Кинник сделал полшага вперед. – И именно этим я и намерен заниматься.

В этот момент Козлиная Бородка небрежно откинул куртку, показывая ему пистолет в кобуре.

Брат Дин подошел ближе и, оказавшись почти нос к носу с Кинником, склонил блестящую лысую голову набок:

– Ты шлялся где-то десять лет, – сказал он, – а теперь решил поиграть в мирового дедушку?

Риса словно кто-то ударил под дых. *Семь лет*, подумал он, *а не десять*. Но спорить он не стал, потому что знал, как жалко это прозвучит.

И тут он вдруг вспомнил, откуда ему знакомо лицо брата Дина:

– Подожди-ка... Ты – Дин Баррис! Я освещал твой судебный процесс. Ты – Пресвятой Браконьер.

Дин Баррис в замешательстве отступил на шаг, и его лицо залилось краской. То ли от стыда, то ли от ярости. Кинник писал о федеральном процессе по делу Барриса о браконьерстве не то десять, не то двенадцать лет назад. Баррис возил грузы на дальние расстояния, а в свободное время охотился на орлов по всему западу. В основном на территориях резерваций. Принцип был такой: Баррис подстреливал оленя, оставлял тушу на видном месте, отгонял койотов и других падальщиков и ждал, пока полакомиться оленем не прилетал белоголовый орлан или беркут. Из охотничьего укрытия он убивал птицу, а потом продавал на черном рынке ее части: крылья, когти, хвост и перья. Иногда он делал из птиц чучела и продавал их целиком за тысячи долларов. За свою карьеру браконьера он также убил и продал множество рыжих и канадских рысей, медведей и пум. В суде Баррис заявлял о своей невиновности, ссылаясь на Книгу Бытия, где говорится, что *Господь дал человеку право владычествовать над всеми животными*, но судью этот весомый аргумент не убедил. Баррис также пытался оспорить юрисдикцию федерального суда, инспекторов по охотничьему надзору и индейских резерваций, то есть практически всех участников дела, но судья отклонил его возражения и приговорил к пяти годам тюрьмы. На фоне растущего беспокойства по поводу праворадикальных группировок эта история вызвала большой интерес общественности, и статьи Кинника три дня подряд выходили на первой полосе – для журналиста это большой успех.

Дин стиснул челюсти, глаза у него сузились.

– Дети, пора! – крикнул он и повернулся к машине Кинника.

Рис дернулся, сжав кулаки:

– Стой...

– Дедушка, все нормально, – сказала Лия.

Она положила руку ему на локоть и как-то странно посмотрела. Ее широко раскрытые глаза словно о чем-то предупреждали. Или намекали: *все под контролем. Не создавай неприятностей*. Это были глаза Селии, говорившие «только не начинай». Глаза Бетани – «папа, хватит». Очевидно, общаться с людьми по типу Шизика Шейна Лия научилась у своей матери – *просто пережди, пока буря не уляжется*. Рис почувствовал, как к горлу подступает комок.

– Все циклично, – пробормотал он.

Как странно было снова оказаться среди людей. Он все никак не мог перестать произносить вслух свои мысли.

Брат Дин вытащил рюкзаки детей из машины Кинника и повел Ашера с Лией к пикапу, в то время как мужчина с козлиной бородкой, скрестив руки на груди, со злорадной улыбкой наблюдал за Рисом.

И что теперь? Кинник не мог просто позволить внукам уехать. Только не с Пресвятым Браконьером. Не для того, чтобы эти психи из Армии Вечного Света выдали его тринадцатилетнюю внучку замуж за сына пастора и лишили его славного непутевого внука возможности проиграть в шахматы настоящему вундеркинду.

– Стой! – крикнул он. – Не забирай их. Позвони Шейну. Я сам с ним поговорю. Извинюсь....

Дети уже забирались в пикап, и только Кинник сделал шаг вперед, как Дин Баррис обернулся и подал знак Козлиной Бородке.

В воздухе мелькнуло что-то черное. В голове у Кинника будто хрустнуло. Звук был такой, словно у него над ухом сломали стебель сельдерея. Чем это его ударили? Он не видел ни как мужчина замахивался, ни летящий в лицо предмет. Только что Кинник был на ногах, собирался кинуться к детям, а в следующую секунду уже стоит на четвереньках, из носа и рта течет кровь, а лицо пульсирует. Ему что, сломали челюсть? Левую сторону лица пронзила боль.

В этот момент до Риса вдруг дошло: дубинка. Кожаная.

Боже правый. На него что, напал гангстер из прошлого века?

Кинник поднял голову и увидел, что ударивший его человек уходит прочь, поднимая пыль каблуками ковбойских сапог. Козлиная Бородка забрался на пассажирское сиденье, дверь хлопнула, и пикап отъехал, шурша колесами по гравию. Кинник увидел в окне машины лицо внучки. Она испуганно смотрела на него, прижав ладонь ко рту. Ашера видно не было.

– Стойте! – Кинник попытался подняться, но его зашатало.

Кровь из носа уже хлестала. Он ощутил, как его охватывает привычное чувство безысходности. *Что ж, он успел по нему соскучиться.* Сидя на земле, он проводил глазами пикап, который выехал со стоянки и, мигнув стоп-сигналами, покатило прочь по улице.

Обернувшись, Кинник увидел, что из здания церкви к нему неуклюже бежит незнакомый юноша.

– Вам нужна помощь? На вас тот тип из пикапа напал?

У юноши были светлые редящие волосы, а поверх обычного черного свитера он носил колоратку. Теплыми пальцами он бережно коснулся пульсирующей щеки Кинника.

– У вас перелом скуловой дуги, – сказал парень. – Похоже, ударили исподтишка.

Он прищелкнул языком и, пообещав принести полотенца, скрылся в церкви, прежде чем Кинник успел спросить, как этот юный служитель церкви смог поставить такой пугающе точный диагноз.

Что случилось с Люси

Люси Пак встала из-за стола и, постаравшись скрыть гнев и соорудить на лице иллюзию невозмутимости, направилась к Эллисон – совсем зеленой криминальной репортерше, склонившейся над своим мобильником, как монахиня над четками.

– Привет, – сказала Люси. – Скажи-ка мне, скоро ждать твой сюжет?

Эллисон подняла взгляд. Она, конечно, не была ни монахиней, ни таким уж ребенком, но в свои двадцать четыре года, не так давно окончив университет, Эллисон еще умела изобразить на лице святое детское негодование, когда ей это было нужно.

– Э-э... – протянула она, – ну я в процессе.

Она повернула телефон, показывая Люси экран. Фотография с места преступления: фонарный столб, обмотанный желтой предупреждающей лентой. Она вообще-то постила фото! Было бы, типа, мило, если бы ей не мешали!

Люси терпеть не могла этот тон. Как и то, что теперь репортеры должны были постоянно публиковать все в соцсети – еще до того, как закончат свои статьи, до того, как поймут, в чем вообще суть дела.

– Ладно, – буркнула Люси, решив обойтись без своих фирменных ругательств, как рекомендовал ей начальник на трех последних аттестациях.

А когда закончишь бесконечно, блядь, тыкать в экран, подумала она, попробуй поработать со сраными источниками и, я не знаю, написать сраную статью, которую я могла бы отдать в сраную печать, избалованное ты дитяtko.

Следи за языком, Люси, любил повторять ее бывший муж. Сто десять фунтов отборной брани – так он называл ее, когда они поссорились в их медовый месяц. Сто шесть фунтов, мудаk ты сраный! – крикнула она тогда в ответ.

– Ну хорошо, и сколько тебе нужно времени?

Люси взглянула на часы. Было семь часов вечера.

– Час? – сказала Эллисон, конечно имея в виду часа два, то есть ровно к дедлайну.

Люси подумала: *два, блядь, часа?* Для чего? История-то стара как мир: копы пристрелили очередного фентанилового торчка, угрожавшего прохожим в центре города чем-то похожим на шприц. Полиция прибыла на вызов, обдолбанный парень рванул на них, коп его уложил. Классическое самоубийство руками полиции. Уже четвертое за год. Феноменально.

– Похоже, они идут на рекорд, – заметила Эллисон.

– Им стоит переименовать себя в Департамент эвтаназии. – Люси мельком сверилась с часами. – Окей, тогда сообщи ночному редактору, когда закончишь. Мне придется прочитать твою писанину дома.

Она вернулась в свой закуток, чтобы положить в сумку ноутбук и пустой термос.

Всякий раз, когда они выпускали сюжет об уличном бродяге на фентаниле, – а это случилось почти каждый день – Люси начинала волноваться за Кела, который не учился, не работал и чей рекорд трезвости составлял шестьдесят восемь дней. Ну, по крайней мере, шестьдесят восемь было утром, когда Люси уходила на работу. Каждый день она возвращалась домой в страхе, что ее девятнадцатилетний сын вот-вот сам станет фентаниловым торчком.

Она написала ему: «Скоро домой. Что хочешь на ужин?»

В левом углу экрана тут же появилось облачко с тремя точками. Кел печатал. О, слава богу! Если он не отвечал сразу – особенно когда она задерживалась в офисе допоздна, как сегодня, – на душе у Люси начинали скрестить кошки. Она боялась, что он снова заложил свой телефон и теперь где-то там, на улицах, на пронизывающем ветру. «ХЗ, реши ты», – пришло сообщение. На языке Кела это значило: *люблю тебя, мам.*

Перед тем как покинуть редакцию, Люси решила проведать Джексона – стажера, которого она просила навести справки о вчерашней драке на заседании школьного совета.

Люси помнила времена, когда подобное казалось абсурдом (*Драка из-за чего? Униформы буфетчицы? Зарплаты уборщика?*), но сейчас, когда все родители были на взводе, все еще раздраженные закрытием школ во время пандемии, взбешенные тем, что их детям рассказывают о сексуальном образовании, эволюции, трансвеститах и правах геев, обеспокоенные наличием в школьных библиотеках какой-нибудь ужасной книги, которую никто не брал уже лет десять, – сейчас *родительские склоки* числились в повестке дня. Люси помнила, что когда штат был в два раза больше, за образование отвечали *целых два* репортера: один – по школам, второй – по университетам. Раньше она могла бы просто поставить любого из них на сюжет о драке. Какая роскошь!

Теперь же для колонки об образовании у нее уже третий месяц не было постоянного репортера. При полном штате в газете, обслуживающей город с населением в двести двадцать пять тысяч и агломерацию численностью в шестьсот тысяч, работало всего пятнадцать человек – притом что штат все равно никогда не был полностью укомплектован. На сегодняшний день в распоряжении Люси была всего дюжина репортеров (шестеро работали в офисе), и она не могла найти никого, кто освещал бы около ста пятидесяти школ и десятков колледжей и университетов в регионе. Поэтому ей приходилось выуживать статьи об образовании из стажеров или уговаривать одного из двух государственных репортеров – того, кто был менее загружен, – сделать пару звонков по теме.

– Мне пока не пришел ответ из округа, – ответил Джексон. – А вечером я работаю.

Ну естественно, потому что сейчас ты, очевидно, пинаешь х...

Следи за языком, Люси! Конечно, у мальчишки была вторая работа. После того как интернет стал главным новостным ресурсом, присвоив их труд и украв рекламодателей, зарплаты в газете сначала заморозили, а потом сократили, что привело к волне добровольно-принудительных увольнений, сокращений и кадровых оптимизаций. Теперь средняя зарплата начинающего репортера едва превышала прожиточный минимум. Большинству ее сотрудников приходилось подрабатывать – писать на заказ, преподавать, протирать столики и водить «убер» в надежде, что копеечные чаевые смогут покрыть растущую арендную плату, ипотеку и залатать огромные дыры в подушке безопасности на случай проблем со здоровьем.

– Может, съездишь завтра в окружной офис? – предложила Люси.

– Завтра я тоже работаю, – сказал Джексон.

– Ладно. Что ж, попрошу кого-нибудь другого. – Люси подавила желание как следует выругаться.

Проходя мимо начальника ночной редколлегии – парня, который всего полгода назад сам был стажером, – она сказала:

– Я ушла. Статью Эллисон посмотрю дома.

Паренек отсалютовал ей, не поднимая глаз от экрана.

Люси спустилась на лифте на первый этаж. Сейчас редакция газеты «Споксмен-Ревью» (созданной в начале бурного двадцатого века из газет «Споксмен», «Ревью» и «Кроникл») по-прежнему располагалась в построенном для нее кирпичном здании девятнадцатого века, хоть масштаб газеты и съезжился с нескольких сотен сотрудников на семи этажах и типографии через дорогу до пары десятков человек в офисных секциях на двух этажах. Остальные помещения, принадлежащие владельцам издания, теперь занимали бухгалтерии, компании по продаже недвижимости, винные бары и завод по производству джина. (Выпивка и хищнический земельный капитализм оттесняют в сторону четвертую власть и общественное право на осведомленность? Трудно бороться с таким прогрессом.) Более того, ходили слухи, что старое здание газеты скоро отдадут под лофты. Куда же тогда переедет редакция? Как и другие газеты, в какой-нибудь торговый центр, где костяк вчерашних студентов будет осве-

щать мировые события «без страха и пристрастий»¹⁵, приткнувшись между магазином тканей и аптекой с лечебной марихуаной?

Лифт прозвенел, оповестив о прибытии, и Люси вышла в тот самый момент, когда ее телефон завибрировал. Она замешкалась. Что там успело случиться? Может, подняться обратно? Но нет, это всего лишь Кел придумал, что хочет на ужин: «Тако?»

По сердцу разлилось какое-то теплое чувство, но что это было? Надежда? По крайней мере, еще один день ее Кел проведет дома, здоровым и трезвым, – еще одна маленькая победа за его тощими плечами.

Она улыбнулась и напечатала: «Заказ принят, К.»

А потом Люси подняла глаза от экрана и ахнула...

...увидев, что ей навстречу...

...со стула в приемной...

...поднялся гребаный призрак...

– Люси, – сказал призрак. – Прекрасно выглядишь.

– Кинник? Иисусе.

– Нет-нет. Ты угадала с первого раза.

Конечно, он заметно постарел – каштановые волосы почти полностью поседел. Кожа была загорелой, словно он много работал на солнце, и, несмотря на выбритое лицо и свежую стрижку, в нем было что-то безумное, дикое – как в тех бродягах на улице, что таскают все свои вещи в рюкзаках. Или в магазинных тележках. Она задумалась над подходящим словом (в газетах больше нельзя было называть их «бомжами», все теперь писали «бездомные граждане»), но первым на ум Люси пришло гораздо более древнее слово: *отщепенец*.

– Что с твоим лицом?

В носу и в уголках рта у него запеклась кровь, левая щека распухла, под глазом наливался синяк. Некогда привлекательные строгие черты и прямые линии были смяты в кровавую кашу.

Он дотронулся до своей опухшей щеки:

– Меня отделали.

– И кто эта счастливица?

– Их было двое. Фанатики оружия. Любители больших пикапов. Напали на меня и украли моих внуков. Они собираются выдать мою тринадцатилетнюю внучку замуж за сына пастора. Они сломали мне...

Кинник обернулся к молодому парню с колораткой на шее, сидевшему в приемной.

– Ох, да, скуловую дугу. – Парень встал.

Люси оглядела его и снова перевела взгляд на Кинника:

– Ты был у врача?

– Нет, но я был у священника, – Кинник кивнул на юношу, – решил обойтись без посредников.

– Я бывший боксер, участвовал в «Золотых перчатках»¹⁶. – Юный священник развел руками. – Это очень распространенная травма. Я хотел отвезти вашего друга в больницу, но он отказался. Вообще, без челюстно-лицевой операции не обойтись, но раз он в состоянии терпеть боль, с ней можно повременить.

Люси еще раз посмотрела на лицо Кинника. *Он точно в этом уверен?*

– И формально я еще не священник, – добавил священник. – Я дьякон и буду им еще месяц, но в нашем приходе нет священника, поэтому я начал практику раньше. – Он поправил

¹⁵ Выражение («...to give the news impartially, without fear or favor», англ. – «...сообщать новости непредвзято, без страха и пристрастий») появилось как неофициальный девиз газеты «Нью-Йорк Таймс» и стало своеобразным журналистским кредо. Оно впервые прозвучало в 1896 году в редакционной колонке, написанной Адольфом Оксом – новым владельцем газеты, который стремился восстановить ее репутацию и продемонстрировать независимость редакционной политики.

¹⁶ «Золотые перчатки» – ежегодный турнир по любительскому боксу, проводящийся в США.

колоратку. – В смысле, не стал священником, а начал практиковаться, чтобы им *стать*. Скоро. Но людям нравится колоратка, так что... – Он снова развел руками.

Совсем сбитая с толку, Люси повернулась к Киннику:

– А ты... ты хотя бы в полицию ходил?

Он кивнул.

– Моя машина заглохла у церкви, поэтому преподобный Брендон подвез меня до участка. Я написал заявление. И попросил его подбросить меня сюда.

Священник-дьякон скромно махнул рукой:

– Кстати говоря, мне уже пора. Шахматный турнир скоро закончится, и мне нужно будет запереть церковь.

– Конечно, – сказал Кинник. – Спасибо за помощь.

– Будем ждать вашего внука на следующем турнире. – С этими словами священник-дьякон-боксер удалился.

Кинник обратился к Люси:

– Заявление-то я написал, но я знаю имя только одного из этих психов. Причем даже не того, кто меня ударил. Единственное, что мне известно наверняка, – оба дружки этого идиота, моего зятя.

– Бетани все еще с...

– Шизиком Шейном. Ага. В любом случае, мне показалось, что копы не очень-то мне поверили. Я не выгляжу как заботливый дедушка.

Люси кивнула. Она чуть не прикусила себе язык, чтобы не спросить: *Так какого хера ты делаешь ЗДЕСЬ, Кинник?* Следи за языком, Люси!

Но он всегда умудрялся знать, о чем она думает, даже когда Люси молчала. Кинник сам ответил на ее невысказанный вопрос, протянув к ней руки:

– Люси, мне нужна твоя помощь.

* * *

Прекрасно выглядишь.

Неужели это первое, что пришло ему в голову? Если уж он хотел растопить лед, то мог бы начать с «Как дети?» или даже лучше: «Поздравляю с новой должностью!» С тем, что ты стала главным редактором, что пережила вечные чистки, сокращения и текучку кадров, что теперь ты большой человек в газете, которая по-скотски обошлась со столькими хорошими людьми, что руководишь детским садом из двадцатилетних стажеров. А вместо этого какими были первые слова, слетевшие с его губ? *Прекрасно выглядишь.* Он проклинал свою мужскую ограниченность, которую, по-видимому, не излечили даже семь лет, проведенных в лесной хижине наедине с трудами великих ученых, философов и писателей.

Но! В его защиту! Это была правда! Она выглядела прекрасно! Стройная и подтянутая, прежде короткие черные волосы отросли до плеч, и ей то и дело приходилось откидывать их с круглого лица, напоминающего спелое яблоко, а уж ее накачанные ноги... Конечно, возможно, появилась пара новых морщинок возле рта и глаз, но... эти темные, терпеливые глаза. Едва он взглянул в них, как волна чувств захлестнула измученное тело Кинника. Былая страсть разгорелась вновь.

Их роман начался с безобидного офисного флирта и профессионального восхищения: Люси, молодая и энергичная криминальная репортерша, задавала вопросы ветерану экологической журналистики, коллеге на тринадцать лет старше нее, обладающему, казалось, неисчерпаемыми знаниями о бюрократических лазейках, тонкостях архивных поисков и сложных механизмах получения информации, – словом, обо всей этой бумажной волоките, которую честолюбивые журналисты-энтузиасты воспринимают как прелюдию.

Какое-то время они не осмеливались зайти дальше шуточных заигрываний: обедали вместе, обменивались долгими взглядами, искали поводы посидеть в баре после работы. Затем, после его выступления на конференции по журналистским расследованиям в Сан-Диего (тема доклада – «Документопад как стратегия сокрытия: как найти суть в потоке отвлекающей информации»), они напились и поцеловались. И Люси, и Кинник списали тот вечер на ошибку, совершенную под влиянием алкоголя, и с удовольствием повторили ее три года спустя на рождественском корпоративе. Еще через год они стали совершать эту ошибку регулярно, несколько раз в неделю встречаясь в квартире Риса для безудержного, одурманивающего секса.

Все это драматическое осложнение случилось уже *после* его развода, но *до* ее, и поэтому, когда муж Люси по имени Пол – школьный учитель, тренер по волейболу и просто скользкий тип – обнаружил в стиральной машинке чужеродный носок (видимо, он запутался в одежде Люси, когда она в спешке одевалась в квартире Риса), все, как теперь никто уже не говорит, пошло прахом.

Ты разрушил брак этой бедной девочки! – заявила бывшая жена Селия, которая рубила с плеча, но редко ошибалась. Селия и слышать не хотела о сомнительной репутации бывшего Люси – Стремного Тренера Пола. А немое осуждение жены, даже после их развода, продолжало оставаться самой мощной силой в мире Кинника.

Послушай, воззвал к ней Рис, разве один человек может разрушить брак?

Селия одарила его своей обычной – милой и острой, как лезвие ножа, – улыбкой. *Если этот человек занимается сексом с одним из супругов, то да, вполне.*

Конечно, то, что Рис на самом деле имел в виду, было гораздо сложнее – *не является ли измена скорее симптомом проблем в браке, чем их причиной? Или она симптом чего-то другого?* Но, предъяви он Селии такой слабый, удобный для него довод, он бы только глубже закопал себя в свою же яму или, не дай бог, заставил ее задуматься о деталях их собственного разрыва, поэтому он замолчал.

Даже сейчас, спустя годы, когда Селия уже была мертва (тут к горлу Кинника снова подступил ком), он больше всего боялся, что она осуждает его с того света.

После скандала в редакции все решили оставить друг друга в покое: Рис оставил Люси в покое, чтобы она уладила все с мужем; Пол, в свою очередь, оставил жену в покое, подав на развод и переехав в Коста-Рику с девушкой из его волейбольной команды. Газета оставила Риса в покое, включив его имя в список на сокращение, в результате чего пятидесятипятилетнему журналисту, лишившемуся дела всей жизни, пришлось перебиваться небольшим выходным пособием. В итоге Кинник оставил в покое здравый смысл и порядочность, погрузившись всей печенью в шестимесячный запой – в два часа ночи он выходил из баров в центре и шел следом за официантками и барменами, которые уже и так щедро напоили его, в подпольные точки «для своих», где так же щедро наливали до *двух тридцати*. А вскоре после этого Кинник оставил в покое свою семью, вмазав своему чокнутому зятю по его конспирологической роже и сбежав – на радость сорока шести процентам населения – в дом из шлакоблоков в лесной глуши. Там в покое оставлять было уже некого.

И вот, по прошествии восьми лет после печально известного *affaire de bureau*¹⁷ с Люси Пак, он, Рис Кинник, пытавшийся исцелить свою душу одиночеством, снова сидел на знакомом барном стуле в паре кварталов от бывшего места работы. Подбитый левый глаз совсем заплыл, сломанная скула пульсировала от боли. Твердо вознамерившись найти дочь и спасти внуков, Рис ждал Люси, которая пообещала встретиться с ним здесь после того, как отвезет своему сыну тако.

Но это было почти сорок минут назад. Куда она пропала?

¹⁷ Офисный роман (*фр.*).

Кинник медленно отхлебнул содовой. Ему нужно быть трезвым, чтобы поговорить с Люси. Трезвым, чтобы найти Лию и Ашера. Трезвым ради Бетани. Даже ради Селии, упокой Господь ее душу. Ему удавалось оставаться трезвым большую часть времени, проведенного в лесу, но несколько раз он срывался – в последний раз с Брайаном и Джоани. Трезвость была единственным способом отступить от края пропасти, вернуться в мир. А этот ком у него в горле? Возможно, он с ним до конца его дней.

– Повторить? – У бармена был легкий испанский акцент и аккуратно подстриженная борода. Он указал на стакан перед Кинником.

– А сколько я уже должен?

– Четыре бакса.

– За содовую?

– За тепло и свет, дружище.

– Все равно многовато для содовой.

– У нас есть скидка для трезвых водителей, если вам нужно развезти по домам друзей.

– А если мне нужно довезти *себя*?

– Не считается.

– А если мой друг скоро подъедет?

– По правилам нужно как минимум трое.

– Почему трое?

– Трое – компания друзей. Двое – уже свидание.

– Поверьте, про свидание *не может быть и речи*.

– Все вы так говорите. Перед тем как свайпнуть вправо.

– Я без понятия, что это значит.

– Что содовая стоит четыре бакса.

– А если бы я считался трезвым водителем, сколько...

– Три пятьдесят.

– Знаете что? Ваша взяла. – Кинник вскинул руки. – Я заплачу эти два четвертака.

Бармен забрал стакан и обновил содовую, а Кинник, не теряя время, решил осмотреть бар, старое пристанище газетчиков. Ему потребовались годы, чтобы поверить, что мир состоит не только из таких мест, как это – переполненных людьми и их культурным шумом, их замыслами и чаяниями. Чтобы вспомнить, что мир – это мир, а мы в нем лишь недолгие гости: двадцать с лишним тысяч восходов, каждый из которых дает новый шанс.

Было так странно снова оказаться здесь. Все слегка поменялось, но не так сильно, как он мог ожидать после стольких лет жизни вдали от цивилизации. Телевизоры с плоским экраном стали, пожалуй, чуть более плоскими. Вместо меню на столах были QR-коды. К счастью, прошло не так много времени и его убежище находилось всего в шестидесяти милях отсюда, и после побега он как-никак *бывал* в парочке баров в Спрингдейле и других маленьких городках и иногда *смотрел* телевизор дома у Брайана и Джоани, но во всех замеченных им изменениях было нечто общее и неожиданное. Они не только не производили особого впечатления, но порой даже казались шагом назад. К примеру, летающие автомобили за время его отсутствия так и не появились, зато огромные пикапы и внедорожники заполнили все улицы.

Прямо сейчас дома сверчки брали свои первые ровные ноты, лягушка-бык в ручье выквевала его имя (*Кинник! Кинник!*), а Млечный Путь разливался по ночному небу. Рис же сидел за барной стойкой в забегаловке из своего прошлого и пил содовую за четыре бакса.

Наконец, спустя почти час, рядом с ним со вздохом приземлилась Люси, плюхнув на стол огромную сумку и, как тюремщик, прогремев связкой ключей.

– Знаешь, Кинник, не выброси ты телефон, мне было бы гораздо проще сообщить тебе, что помогать я передумала.

– Причина номер шестьдесят восемь, чтобы не иметь телефона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.